башня; подъ остывочной помѣщается подвальный этажъ съ находящимися въ немъ воздухоохладительными аппаратами. Распредѣленіе въ такомъ порядкѣ отдѣльныхъ частей зданія даетъ въ результатѣ минимальное нагрѣваніе стѣнъ остывочной, что имѣетъ особенное значеніе при тяжелыхъ климатическихъ условіяхъ Ташкента. Убойные павильоны выстроены по германской зальной системѣ и представляютъ собою просторныя, высокія и свѣтлыя помѣщенія съ фонарями по срединѣ; стѣны на высоту 2½ аршинъ выложены пирогранитными плитками завода барона Бергенгейма въ Харьковѣ, полы изъ цементныхъ плитъ; въ мѣстахъ убоя сдѣланы десять корытообразныхъ площадокъ изъ ходжакентскаго кварцеваго мрамора; у потолка сѣть желѣзныхъ подвѣсныхъ путей и лебедокъ для передвиженія и подъема тушъ. Вводъ животныхъ для убоя производится съ двухъ сторонъ, а съ двухъ противоположныхъ сторонъ—вывозъ мяса непосредственно на арбы или въ остывочное отдѣленіе, откуда пріемъ мяса производится черезъ вывозной корридоръ. При расположеніи зданій и ихъ отдѣльныхъ частей были приняты всѣ мѣры для предупрежденія тѣсноты при скопленіи на дворѣ животныхъ и арбъ съ мясомъ, но, къ сожалѣнію, ограниченность отведеннаго подъ бойню пространства не позволила дать двору надлежащіе размѣры.

Судя по произведеннымъ по настоящее время работамъ, можно предполагать, что скотобойня вполнѣ оправдаетъ возлагаемыя на нее надежды, причемъ необходимо принять во вниманіе, что при сооруженіи столь обширнаго и сложнаго зданія можетъ еще встрѣтиться надобность въ нѣкоторыхъ детальныхъ поправкахъ и измѣненіяхъ, неизбѣжныхъ по самымъ условіямъ работы и въ настоящее время уже имѣются частью исполненныя, частью предположенныя передѣлки. По причинѣ особенной водопроницаемости лесовой почвы пришлось передѣлать соединеніе сухихъ ревизіонныхъ колодцевъ съ водохранилищами и каналы, отводящіе сточныя воды въ Бурджаръ.

Закончить все сооруженіе, безъ жилыхъ помѣщеній, предположено къ 1 января 1908 года, а главный павильонъ, т. е. работы первой очереди—къ 1 августа текущаго года и, такимъ образомъ, постройка запаздываетъ на два мѣсяца противъ обусловленнаго контрактомъ срока. Причины этого опозданія кроются въ сложности самой постройки и въ томъ, что при сооруженіи его пришлось сдѣлать отступленія отъ первоначальнаго проекта, а также и въ производствѣ весьма значительнаго количества сверхсмѣтныхъ работъ, необходимость которыхъ была выяснена впослѣдствіи и стоимость которыхъ опредѣляется въ 75—100 тысячъ рублей. При такихъ условіяхъ нѣкоторое замедленіе въ производствѣ работъ, направленныхъ къ усовершенствованію и наилучшему оборудованію всего сооруженія, нельзя не признать вполнѣ цѣлесообразнымъ.

БУХАРСКІЯ и ХИВИНСКІЯ

посольства въ Россію и русскія посольства въ Бухару и Хиву.

(*Историческая параллель*).

Въ настоящемъ 1907 году, съ прибытіемъ въ Ташкентъ вновь назначеннаго на постъ Туркестанскаго Генералъ-Губернатора генерала отъ инфантеріи Николая Ивановича Гродекова, бывшаго сослуживца перваго Туркестанскаго Генералъ-Губернатора генералъ-адъютанта Константина Петровича фонъ-Кауфмана, отъ имени его высочества Бухарскаго Эмира генералъ-адъютанта Сеидъ Абдулъ Ахада и его свѣтлости Хивинскаго хана Сеидъ Рахимъ Багадуръ хана пріѣзжали въ Ташкентъ къ его высокопревосходительству Николаю Ивановичу особыя посольства, пріемъ которыхъ переноситъ нашу мысль назадъ за три столѣтія и вызываетъ, удивленіе наше предъ судьба

ми исторіи, какъ въ смыслѣ измѣнившихся политическихъ отношеній между Россіей и названными средне азіатскими ханствами, такъ и въ самомъ характерѣ среднеазіатскихъ посольствъ въ Россію и русскихъ посольствъ въ Бухару и Хиву. Въ настоящее время Бухарскій Эмиръ и Хивинскій ханъ являются не только оффиціальными друзьями Россіи, но и состоятъ въ особыхъ личныхъ отношеніяхъ къ нашему Государю: Бухарскій Эмиръ носитъ титулъ «высочества», соединяетъ съ званіемъ генералъ-адъютанта Его Величества чинъ генералъ лейтенанта Терскаго казачьяго войска и состоитъ кавалеромъ высшаго русскаго ордена св. Андрея Первозваннаго, а ханъ Хивинскій носитъ титулъ «свѣтлости», числится генералъ-лейтенантомъ по Оренбургскому казачьему войску и имѣетъ орденъ св. Александра Невскаго; наслѣдникъ Бухарскаго Эмира Сеидъ Алимъ-Джанъ-Тюря, получившій образованіе въ Пажескомъ корпусѣ, имѣетъ титулъ «свѣтлости», а наслѣдникъ Хивинскаго хана Сеидъ Асфендіаръ-Тюря—титулъ «сіятельства»; оба наслѣдника носятъ ордена 1 степени со звѣздами. Кромѣ нихъ, и нѣкоторые сановники Бухары и Хивы пожалованы русскими орденами 1 и 2 степеней и соотвѣтственными орденамъ лентами и звѣздами.

Такимъ образомъ, и не напрягая воображенія въ историческую даль, отъ пріема современныхъ среднеазіатскихъ пословъ въ Ташкентѣ можно получить сильное впечатлѣніе, поражающее не только зрѣніе, но и мысль, способную оцѣнить силу и значеніе историческаго вліянія, обнаруживающагося даже и не на очень большомъ протяженіи времени. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли, какъ будто, преемникъ покойнаго Бухарскаго Эмира Музаффаръ-хана молодой Тюря-Джанъ проѣхалъ скромно черезъ Ташкентъ въ 1883 году на почтовыхъ лошадяхъ, а въ концѣ 1906 года онъ, какъ Бухарскій Эмиръ, торжественно прослѣдовалъ въ Петербургъ уже въ собственномъ, подаренномъ нашимъ Государемъ его высочеству, роскошномъ вагонѣ, въ высокомъ званіи генералъ адъютанта Его Величества.. На обратномъ же пути его высочества въ Бухару, мы встрѣчали его уже кавалеромъ самаго высшаго русскаго ордена... О Хивинскомъ ханѣ невольно припоминается, что онъ въ 1873 году вынужденъ былъ оставить на нѣкоторое время свой дворецъ и снова принялъ власть свою изъ рукъ побѣдителя генерала Кауфмана *), а теперь поддерживаетъ дружественныя отношенія съ Россіей и присылаетъ посольства, со своимъ наслѣдникомъ во главѣ, къ преемникамъ перваго Туркестанскаго генералъ-Губернатора. Такъ измѣнились, даже на простой взглядъ, политическія условія Бухары и Хивы, а вмѣстѣ съ ними измѣнились бухарскіе и хивинскіе правители, пережившіе эти обстоятельства! Но если мы перенесемся воображеніемъ въ туманную даль минувшихъ временъ за триста лѣтъ, то передъ нами откроются картины и перспективы настолько оригинальныя, насколько, можетъ изумляться современный степнякъ при сопоставленіи тихо и скучно двигающагося каравана верблюдовъ, однообразно покачивающихся и лѣниво ступающихъ своими неуклюжими ногами по степямъ и пескамъ Средней Азіи, съ быстрымъ и шумно катящимся по стальнымъ рельсамъ паровозомъ, легко тянущимъ за собой длинный и стройный рядъ вагоновъ разнообразной конструкціи, наполненныхъ людьми разныхъ національностей и самыми разнообразными товарами... Особенно это сравненіе должно поражать сознаніе жителей Закаспійской области при видѣ Аму дарьинскаго поста и пароходовъ, замѣнившихъ мѣстныя конки. Такая параллель не можетъ не вызывать удивленія и у каждаго изъ насъ, кто задумается надъ измѣненіемъ нашихъ сношеній съ Средней Азіей, начиная съ XVII столѣтія. Для газетной статьи такая задача обширна, и мы ограничимся болѣе характерными чер-

*) Макъ Гаханъ. Военныя дѣйствія на Оксусѣ и паденіе Хивы. Москва, 1875 г. стр. 201 и сл.

тами пріема среднеазіатскихъ пословъ въ Россіи и русскихъ пословъ въ Бухарѣ.

По словамъ профессора Н. И. Веселовскаго**), въ XVII столѣтіи и первой половинѣ XVIII, между русскимъ правительствомъ и ханами Средней Азіи происходили самыя оживленныя сношенія; ханы обыкновенно просили о торговыхъ сношеніяхъ и, съ своей стороны, обязывались оказывать всякое содѣйствіе, покровительство и «оберегу» русскимъ купцамъ въ своихъ владѣніяхъ. Слово «оберега» указываетъ на то, что въ тѣ времена наши послы и торговые люди подвергались насиліямъ и ограбленію, бывали захватываемы въ плѣнъ силой или обманомъ и томились въ неволѣ у бухарцевъ и хивинцевъ. Такъ, въ 1646 году у русскихъ купцовъ хивинцы отняли разныхъ товаровъ на 10 слишкомъ тысячъ рублей, причемъ сами купцы (15 человѣкъ) были посажены въ тюрьму и только бѣгствомъ спаслись отъ рабства. Когда же русскіе задержали послѣ этого въ Астрахани двухъ хивинскихъ пословъ, Хивинскій ханъ Абулъ-Гази отправилъ въ Москву особаго гонца съ поздравительною грамотой къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой просилъ продолжать торговыя сношенія съ Хивой и отпустить задержанныхъ въ Астрахани двухъ хивинскихъ пословъ. Этому гонцу русскіе справедливо отвѣчали, какъ же Хивинскій царь пишетъ, чтобы торговые люди ходили въ городъ Хиву, а самъ ихъ обираетъ и въ тюрьму сажаетъ?.. Гонецъ, въ свою очередь, сказалъ, что не такъ давно хивинскій караванъ былъ разграбленъ въ Астрахани и что по этому грабежу русскія власти никакого сыску не сдѣлали. Но воеводы астраханскіе отвѣтили, что это неправда, что караванъ былъ разграбленъ въ степи и что русскіе воеводы тѣхъ воровъ поймали и награбленное ими добро отдали хивинскимъ торговымъ людямъ. Тогда хивинскій гонецъ перемѣнилъ тонъ и сказалъ, что онъ присланъ къ царскому величеству съ поздравительною грамотою по случаю вступленія его на престолъ, а не о грабежныхъ животахъ и не о ссорахъ; о тѣхъ же ссорахъ Хивинскій ханъ послалъ другого посла, который де и дастъ отвѣтъ на вопросъ о грабежахъ.

Однако, задержанные въ Астрахани хивинскіе послы и особый гонецъ не были освобождены, а имущество ихъ пошло на уплату потерпѣвшимъ русскимъ купцамъ, не получившимъ полнаго вознагражденія и при этомъ условіи. Въ 1695 году въ Хивѣ были задержаны Арабъ-ханомъ торговые люди, приказчики С. Лабазина, отправлявшіеся въ Бухару чрезъ Хиву. И несмотря на это, Арабъ-ханъ обращался къ Петру Великому съ просьбою о поддержкѣ его и даже о принятіи его въ русское подданство. Но черезъ 23 года послѣ этого, въ 1718 году, былъ измѣнически убитъ въ Хивѣ русскій посолъ Бековичъ-Черкасскій вмѣстѣ съ отрядомъ своимъ при Ширгазы-ханѣ.

Сношенія Бухары съ Россіей большею частью отличались прямотою, дѣловитостью и достоинствомъ. Эмиръ Абдулъ-Азисъ писалъ въ 1669 году нашему царю Алексѣю Михайловичу: «путь между вами и нами будетъ чистъ, чтобы намъ, обоимъ государямъ, держать осылку*) и что вамъ, великому государю, будетъ въ нашемъ государствѣ годно, то мы отъ вашихъ подданныхъ скрывать не будемъ и чтобъ между обоими нами послы ходили безпрерывно по добрымъ дѣламъ съ поминками»**). Съ такимъ же предложеніемъ въ 1705 году пріѣзжалъ къ Петру Великому отъ Бухарскаго Эмира Убайдуллы-хана посолъ Алимъ-бекъ Кочекъ-Бековъ и получилъ благопріятный отвѣтъ.

Ясно, что заявленія среднеазіатскихъ пословъ не всегда оправдывались на дѣлѣ; вмѣсто поддержки и развитія русской

**) Статья: „Пріемъ въ Россіи и отпускъ среднеазіатскихъ пословъ въ XVII и XVIII столѣтіяхъ, по документамъ главнаго архива министерства ин странныхъ дѣлъ (Журналъ министерства народнаго просвѣщенія, іюль 1884 года).

*) То есть—сношенія.
**) То есть—съ подарками.

торговли, наши торговые предприниматели не только не встрѣчали должнаго вниманія и покровительства со стороны бухарскихъ и хивинскихъ властей, а скорѣе всякія прижимки, убивающія торговую предпріимчивость. Въ 1750 году два русскіе торговца-татарина (Абдулла Хаялинъ и Кубекбай Назаровъ) доносили, что торгъ въ Хивѣ малый, да и то только по пятницамъ бываетъ, почему они переѣхали изъ Хивы въ Ургенчъ, но и тамъ ничего не продали, а пошлину съ ихъ товаровъ исправно взыскали. Въ 1751 году Шарыпъ Бекметевъ и другіе приказчики ѣздили въ Хиву и Бухару, но въ Хивѣ ничего не продали, а въ Бухарѣ должны были продать свои товары за что пришлось и то въ долгъ, лишь бы сбыть товары. По этому случаю Бекметевъ заявилъ, что отъ такого торгу пользы никакой нечаятельно, но еще убытку... Иванъ Хохловъ, по возвращеніи изъ Бухары въ 1622 году, заявлялъ въ посольскомъ приказѣ, что ему и находившимся при немъ людямъ отъ Юргенскаго царя Абеши (?) и отъ Ильбарса царевича***) была многая тѣснота и убытки великіе.

Русское правительство, не видя исполненія обѣщаній средне-азіатскихъ хановъ относительно торговли, тяготилось ихъ частыми посольствами, особенно посольствами Хивы, отъ которой съ 1616 года по 1744 годъ насчитывалось до 27 посольствъ, кромѣ дополнительныхъ гонцовъ, пріѣзжавшихъ въ Россію также съ многочисленной свитой. Средне азіатскіе послы и гонцы жили обыкновенно подолгу въ Россіи, иногда даже годы. Поэтому русское правительство принимало разныя мѣры къ ограниченію столь частаго пріѣзда въ Россію средне-азіатскихъ пословъ, но посольства изъ Средней Азіи продолжали пріѣзжать въ Россію и пользовались русскимъ гостепріимствомъ.

Тогдашнія встрѣчи и пріемы средне-азіатскихъ пословъ въ Россіи, по сравненію съ настоящимъ временемъ, отличались своеобразностью и представляютъ интересъ для современнаго читателя. Такъ, когда въ 1636 году пріѣзжалъ къ царю Михаилу Федоровичу хивинскій посолъ Нарбутъ Авазъ Багадуръ, то при немъ было три человѣка свиты и семь человѣкъ конвоя. На продовольствіе въ дорогѣ отъ Астрахани до Москвы этому послу отпускалось по 8 коп. въ день*) и кромѣ того, по 3 чарки вина и по 3 кружки меду; тремъ посольскимъ людямъ свиты отпускалось по 2 коп. на человѣка въ день, а семи конвойнымъ—по 3 деньги на человѣка въ день.

Сверхъ того, всѣмъ свитскимъ и конвойнымъ людямъ отпускалось въ день по 2 чарки вина и по 2 кружки меду на человѣка. По прибытіи посольства въ Москву, отпущены были послу «въ столамѣсто»: баранъ съ шерстью, нога говядины, три куры, 12 хлѣбовъ, 15 калачей двуденежныхъ, 3 кружки вина и 5 ведеръ меду доброго. Поденнаго же корму и питья велѣно было отпускать имъ въ увеличенномъ противъ дорожнаго по 40 коп. на день, т. е. по 63½ коп. на день. Для двухъ аргамаковъ, приведенныхъ изъ Хивы въ даръ Государю, отпускались сѣно, овесъ и солома на подстилку до тѣхъ поръ, пока аргамаки не были приняты на государеву конюшню. Для отопленія помѣщенія посольства отпускалось по 2 воза дровъ въ недѣлю. Кромѣ всего этого, послу выдавалось въ день по 6 чарокъ вина, по полуведру меду и по полуведру пива, а остальнымъ десяти человѣкамъ посольства—по 2 чарки вина, по кружкѣ меду и по другой кружкѣ вмѣсто пива. Послѣ того, по особому посольскому челобитію, было прибавлено на сына посла: чарка вина, кружка меду, кружка пива, «а былъ тотъ его сынъ въ томъ числѣ—въ 10 человѣкахъ».

Когда посольство прибыло въ Москву,

---

*) Тогдашняя копейка, по сравненію съ нынѣшней, стоила въ десять разъ, по крайней мѣрѣ, дороже.

***) Ильбарсъ былъ Хивинскимъ ханомъ съ 1729 по 1740 года.

особой встрѣчи ему за городомъ не было; русскій приставъ былъ посланъ на посольскій дворъ, когда посольство было уже на мѣстѣ. Представлялся царю Михаилу Федоровичу посолъ Нарбутъ Авазъ-Багадуръ по слѣдующему церемоніалу: за нимъ былъ посланъ въ городъ приставъ и лошадь съ санями съ государевой конюшни. Въ городѣ были выставлены въ то время стрѣльцы отъ всѣхъ приказовъ въ чистомъ платьѣ, безъ пищалей. Государь ожидалъ посла въ золотой палатѣ въ царскомъ одѣяніи и діадемѣ со скипетромъ, а яблоко (держава) стояло на стоянцѣ по правую сторону отъ Государя. Возлѣ Государя стояли рынды (красивые стольники) въ бѣлыхъ костюмахъ и въ золотыхъ цѣпяхъ. Бояре, дворяне и дьяки были въ золотѣ и черныхъ шапкахъ.

Когда посолъ пріѣхалъ въ городъ, то у посольской палаты вышелъ изъ саней и вошелъ въ посольскую палату. Тогда дьяки встали, «хорошевались съ нимъ», спрашивали о здоровьѣ и, пригласивъ сѣсть, говорили о данномъ послу наказѣ къ нашему Государю. Затѣмъ думный дьякъ сказалъ хивинскому послу, что Великій Государь, царь и великій князь Михайло Феодоровичъ, всея Руси самодержецъ указалъ ему (послу) быть у себя (Государя) на дворѣ (во дворцѣ), видѣть царскія очи и грамоту отъ государя своего подать царскому величеству. Сказавъ это, думный дьякъ доложилъ Государю о прибытіи посла, который дожидался государева выхода въ посольской палатѣ. Когда Государь велѣлъ идти къ нему, посолъ шелъ изъ посольскаго приказа площадью и по средней лѣстницѣ вступилъ въ проходныя сѣни, а затѣмъ и въ золотую палату. Съ нимъ шелъ и сопровождавшій его приставъ. Когда посолъ вошелъ въ палату, думный дьякъ представилъ его Государю, и посолъ сказалъ: «Великій Государь, царь и великій князь Михайло Феодоровичъ, всея Россіи самодержецъ и многихъ государствъ государь и обладатель, Юргенскаго Исмендеяра**) царя посолъ Нарбутъ Авазъ Багадуръ вамъ, великому Государю, челомъ ударилъ». Государь пожаловалъ, велѣлъ позвать посла къ рукѣ и положилъ на него свою царскую руку. Посолъ доложилъ челобитье, и тогда Государь сѣлъ и спросилъ посла о здоровьѣ хана, а посолъ, отвѣтивъ о ханскомъ здоровьѣ, подалъ царю грамоту своего хана. Государь велѣлъ думному дьяку принять грамоту и спросилъ посла: «опричь грамоты, есть ли какой приказъ?» Посолъ отвѣчалъ, что̀ ему было наказано.

Послѣ того думный дьякъ представилъ Государю подарки (поминки) Хивинскаго хана, а Государь велѣлъ дьяку молвить рѣчь послу и, объявивъ о своемъ, государевомъ, жалованьѣ «въ стола мѣсто кормъ», отпустилъ посла на подворье. Тогда было велѣно отпустить послу барана съ шерстью, ногу говядины, гуся, утю, 2 куровъ, 12 хлѣбовъ, 12 калачей двуденежныхъ и питья: 4 кружки вина и 6 ведеръ меду добраго. Во время представленія Государю посолъ билъ челомъ: «даютъ де ему, и сыну его, и людемъ на Москвѣ поденнаго корму мало, а прежнему де послу, который былъ напередъ его, давано корму больше того». Вслѣдствіе этого челобитья, послу было прибавлено государева жалованья на поденный кормъ по 20 коп. въ день на все посольство.

Хивинскій ханъ прислалъ нашему Государю «въ поминки» сѣраго аргамака въ 25 рублей и шкурку бобровую въ 2 рубля. Кромѣ того, посолъ отъ себя челомъ ударилъ жеребца аргамачьяго гнѣдого въ 30 рублей.

4 іюня того же года хивинскій посолъ представлялся Государю въ прощальной аудіенціи въ той же золотой палатѣ. При этомъ Государь сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ въ царскомъ одѣяніи; при Государѣ стояли рынды, а бояре и окольничіе сидѣли въ лѣвой сторонѣ

**) Хивинъ Исфендіяръ ум. въ 1642 г. Мусульм. династіи Сэнили Ленъ-Пуля. Стр. 235. Прим. проф. Бартольда.

отъ Государя. Въ проходной палатѣ и сѣняхъ сидѣли дворяне, дьяки и гости въ золотыхъ одеждахъ и черныхъ шапкахъ. По крыльцу были поставлены дворяне, дѣти боярскіе и подьячіе въ чистомъ платьѣ.

Прежнимъ порядкомъ вошелъ посолъ къ Государю въ палату, думный дьякъ представилъ посла, а Государь спросилъ посла о здоровьѣ. Посолъ благодарилъ за государево жалованье. Послѣ того думный дьякъ говорилъ послу рѣчь и вручилъ ему грамоту, а Государь приказалъ передать свой поклонъ Хивинскому хану, затѣмъ пожаловалъ посла къ рукѣ и клалъ на него свою царскую руку. Послѣ того Государь объявилъ послу о назначенномъ ему содержаніи и отпустилъ на подворье. Посолъ упомянулъ о просьбѣ хана прислать ему панцырь и хорошаго кречета. Согласно этой просьбѣ и обычая отвѣчать на поминки, царь Михаилъ Федоровичъ отправилъ съ посломъ къ Хивинскому хану: 40 соболей въ 60 рублей, да 2 кречета, снаряды и панцырь. Самому послу были подарены: 40 соболей въ 40 рублей и еще 40 соболей въ 30 рублей; 3 лицамъ свиты хивинскаго посольства было выдано по 12 рублей на человѣка, а конвою—по 6 рублей на человѣка*).

Въ описанномъ церемоніалѣ обращаетъ вниманіе обычай московскихъ царей класть руку на посла. Значеніе этого обычая уясняется изъ сравненія съ обычаемъ древнихъ персидскихъ шаховъ протягивать ногу для цѣлованія посламъ на аудіенціяхъ. Противъ такого унизительнаго обычая возсталъ русскій посолъ Григорій Васильчиковъ, отправленный царемъ Феодоромъ Іоанновичемъ въ 1588—1589 годахъ къ персидскому шаху Худабенди**). Узнавъ отъ грузинскаго посланника объ этомъ унизительномъ обычаѣ, русскій посолъ протестовалъ противъ него и говорилъ персидскимъ сановникамъ: «у Государя нашего въ обычаѣ ведется: коли бываютъ у Государя нашего царскаго величества отъ христіанскихъ государей послы и посланники, отъ цесаря римскаго и короля литовскаго и отъ иныхъ христіанскихъ государей, то Государь нашъ царское величество тѣмъ посламъ и посланникамъ даетъ цѣловать свою царскую руку, а на пословъ мусульманскихъ государей кладетъ руку. А Государя нашего посламъ христьанскіе государи даютъ по тому же руку цѣловать, а мусульманскіе государи кладутъ руки. А того нигдѣ не ведется, чтобъ государямъ цѣловать ногу: то посламъ безчестье великое».

И хотя персіяне возражали русскому послу, что онъ не можетъ устанавливать въ чужой землѣ свои законы, тѣмъ не менѣе самъ шахъ уважилъ просьбу русскаго посла и во время пріема не протягивалъ ему ногу для цѣлованія, а положилъ на него свою руку.

Въ отвѣтныхъ грамотахъ средне азіатскимъ ханамъ русскіе цари, кромѣ дѣловыхъ сообщеній, упоминали и наказывали посламъ передать своимъ правителямъ: «и какъ ты посолъ будешь у государя своего, и ты ему нашу царскаго величества дружбу и любовь объяви».

Въ 18 столѣтіи, подъ вліяніемъ европейскихъ обычаевъ, пріемъ хивинскихъ пословъ происходилъ при совершенно иной обстановкѣ, чѣмъ въ московскій періодъ русскаго государства.*) Такъ, въ 1740 году хивинскій посолъ хана Ильбарса, Артыкъ Батырь, по прибытіи въ новую столицу Россіи, прежде всего имѣлъ небывалый дотолѣ торжественный выѣздъ къ вице-канцлеру графу Остерману. 30 іюля, около полудня, за посломъ были отправлены двѣ кареты: одна въ

*) Нужно имѣть въ виду, что рубль временъ царя Михаила Федоровича стоилъ, по крайней мѣрѣ, въ 10 разъ больше, сравнительно съ современнымъ намъ рублемъ, какъ объ этомъ можно думать по тогдашней оцѣнкѣ соболей.

**) Мухаммедъ Худабенди изъ династіи Сефевидовъ вступилъ на персидскій престолъ въ 1578 году (С. Лэнъ-Пуль Мусульм. династіи, стр. 219).

*) Описаніе дипломатическихъ сношеній Россіи съ Хивой въ царствованіе Петра Великаго въ настоящей статьѣ не приводится, какъ болѣе извѣстное. Н. О.

запряжку цугомъ съ двумя вершниками, а другая, запряженная парой лошадей. Послѣ обыкновеннаго поклона вице-канцлеру, посолъ былъ посаженъ въ кресло, напротивъ хозяина, и на вопросъ графа Остермана о трудностяхъ пути съ чисто восточною изысканностью отвѣтствовалъ, что дорогою ѣхать ему хотя и не безъ труда было, однакоже, увидя его графское сіятельство, онъ все забвенію предалъ. Въ разговорѣ о хивинскихъ дѣлахъ, посолъ, для поддержанія достоинства своего государя, сказалъ, что ханъ можетъ собрать триста тысячъ хивинцевъ и еще столько же другихъ татаръ. На вопросъ о здоровьѣ хана посолъ отвѣтилъ, что оставилъ своего государя въ добромъ здоровьи и что онъ, Хивинскій ханъ, приказалъ поздравить его графское сіятельство. Относительно Аму-дарьи посолъ сказалъ, что она противъ Невы будетъ въ десять разъ шире. Затѣмъ посолъ просилъ графа представить его Ея Императорскому Величеству, а о дѣлахъ будетъ доносить черезъ кого его графское сіятельство прикажетъ, а теперь болѣе утруждать его не позволяетъ себѣ и желаетъ графу отъ Бога всякаго здравія, такъ какъ еще въ Астрахани услышалъ о болѣзни его сіятельства. Графъ сказалъ, что пріѣздъ посольства ему весьма пріятенъ и угоденъ, что не преминетъ всеподданнѣйше донести Ея Императорскому Величеству о содержаніи «ханскаго листа» и уповаетъ, что посолъ будетъ допущенъ къ Ея Величеству и Высочайшею милостію оставленъ не будетъ. Сношенія по дѣламъ послу указано было вести черезъ ассессора Тевкелева. Отъѣхалъ посолъ отъ вице канцлера съ такимъ же церемоніаломъ, какъ и пріѣхалъ**).

Представленіе Артыкъ-Батыря императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ 3 августа 1740 года было обставлено возможно торжественно. Во 2 часу пополудни за посломъ были отправлены два берлина, запряженные парами съ двумя вершниками и берейторомъ, и 10 верховыхъ лошадей съ сѣдлами для посольскихъ служителей.

Когда переводчикъ Турчаниновъ подъѣзжалъ къ квартирѣ посольства, хивинская музыка играла на галлереѣ, а когда Турчаниновъ въѣхалъ во дворъ, его у кареты встрѣтилъ посолъ со всѣми чиновными людьми свиты. Выслушавъ приглашеніе отправиться на аудіенцію къ Ея Императорскому Величеству, посолъ сказалъ, что приноситъ всенижайшее благодареніе и готовъ ѣхать и, обратясь затѣмъ лицомъ въ сторону двора, учинилъ поклонъ, затѣмъ сѣлъ въ первую карету съ переводчикомъ Турчаниновымъ, и поѣхалъ съ соблюденіемъ церемоніала. Во дворецъ посольство прибыло въ исходѣ 4 часа и въ кабинетныхъ палатахъ посолъ ожидалъ приглашенія. Когда приглашеніе послѣдовало, посолъ взялъ у ясаула ханскую грамоту, положилъ ее на свою чалму и направился черезъ аудіенцъ залу и другія двѣ палаты въ ту, гдѣ изволила быть императрица. Оставивъ прочихъ, слѣдовавшихъ безъ шапокъ и оружія, лицъ свиты въ передней передъ этой палатой, посолъ съ ясауломъ и купцомъ вошли въ палату и здѣсь посолъ сначала одинъ учинилъ поклонъ по обычаю, сперва стоя на ногахъ, а потомъ вмѣстѣ втроемъ стали на колѣна и посолъ читалъ ханскую грамоту, которую Тевкелевъ переводилъ. Въ грамотѣ было писано, что изъ древнихъ лѣтъ между Россіей и Хивой всегда дружба имѣлася, послы и купеческіе караваны ѣзжали и нынѣ Хивинскій ханъ Ильбарсъ Магомедъ Багадуръ прислалъ посла для засвидѣтельствованія своей дружбы, поздравить Ея Императорское Величество и просить объ отправленіи посольства въ Хиву, а о дѣлахъ, наказанныхъ послу, выслушать. По прочтеніи грамоты, посолъ и его два спутника, не вставая, сдѣлали три поклона Ея Величеству до земли. Потомъ посолъ немного приподнялся и подалъ грамоту фонъ-Миниху, который, принявъ грамоту, отвѣтилъ послу, что Ея Величеству доброжелательное поздравленіе хана и при-

**) Вице канцлеру посолъ передалъ отъ хана 40 овчинокъ бухарскихъ и двѣ полы меха изъ такихъ же овчинокъ.

сылка посла пріятны, что Государыня принимаетъ посла съ милостивымъ удовольствіемъ, а о дѣлахъ, приказанныхъ ханомъ послу, прикажетъ министрамъ выслушать и обнадеживаетъ посла своею милостью. Послѣ того посолъ, ясаулъ и купецъ были допущены къ рукѣ Ея Величества и стали выходить, отступая назадъ спинами. Дойдя до мѣста первой остановки, посолъ снова сталъ на колѣни и учинилъ Ея Величеству три поклона до земли же. Вышедши въ переднюю, посолъ передалъ присланные ханомъ императрицѣ въ подарокъ мѣхъ и овчинки бухарскія сѣрыя и черныя, которыя были приняты дворцовыми служителями, а по выходѣ посла изъ дворца были подведены къ хоромамъ аргамакъ карій, да иноходецъ бурый и одинъ бобръ, и Ея Величества изволила ихъ смотрѣть*).

Посольство это оставалось въ Петербургѣ почти годъ. 18 мая 1741 года посла спросили о дѣлахъ, порученныхъ ему ханомъ. Посолъ просилъ о разрѣшеніи ввоза въ Хиву ружей, панцырей и стали и о дозволеніи хивинскимъ купцамъ увозить съ собой на родину тѣхъ калмычекъ и татарокъ, на которыхъ они пожанились въ Россіи**). Разрѣшенія на эти хозяйства не послѣдовало. Въ виду погрома Хивы шахомъ Надыромъ и казни хана Ильбарса, отпускной аудіенціи послу не было и грамоты съ подарками хану не послано; послу же было выдано 300 рублей, купцу 50 рублей, ясаулу 20 рублей, духовному 12 рублей и 150 рублей на остальныхъ 27 человѣкъ,— всего 532 рубля. Кормовыхъ на два мѣсяца послу было выдано 300 рублей**). Вслѣдствіе смутныхъ обстоятельствъ въ Персіи, Артыкъ - Батырь прожилъ въ Россіи 19 лѣтъ, сначала въ Самарѣ, потомъ въ Астрахани, несмотря на неоднократныя требованія хивинскаго правительства выслать его въ Хиву. На эти требованія русскіе отвѣчали, что посолъ Артыкъ - Батырь волею своею въ Астраханѣ живетъ, а чтобы его выгнать изъ государства, такого примѣру нѣтъ...

Въ 1761 году пріѣзжалъ изъ Хивы отъ хана Темиръ Гази посланикъ Исхакъ Мулла съ поздравительнымъ письмомъ къ императрицѣ Екатеринѣ II, но поздравительный листъ былъ безъ печатей, которыя были приложены только на пакетѣ, причемъ Исхакъ-Мулла объяснилъ, что Темиръ Гази—ханъ изъ природныхъ ханскій фамиліи, а такія лица де какъ въ Бухарѣ, такъ и въ Персіи и во всей Азіи подъ письмами печатей отнюдь не прикладываютъ и что-де такого обыкновенія у нихъ нѣтъ; прежніе же ханы были изъ киргизъ-кайсацкихъ солтановъ, подданныхъ Ея Величеству, почему они и прикладывали печати къ листамъ Такому объясненію посла въ Россіи неповѣрили и Исхаку - Муллѣ пропуска къ царскому двору не дали. Въ 1783 году былъ также задержанъ посолъ отъ Хивинскаго хана Пулатъ Гази за то, что на ханскомъ листѣ ханская печать была приложена «въ заглавіи и въ лицѣ, а не въ окончаніи и не на оборотѣ». Въ 19 вѣкѣ противъ хивинцевъ русскіе пользовались старинной мѣрой—задерживаніемъ хивинцевъ, находившихся въ Оренбургѣ и тѣмъ побуждали хивинское правительство къ выдачѣ русскихъ плѣнныхъ. Такъ было, между прочимъ, въ 1840 году; но окончательное утвержденіе въ Хивѣ русскаго вліянія послѣдовало только въ 1873 году, когда генералъ Кауфманъ въ самой Хивѣ заключилъ особый мирный договоръ съ Сеидъ Рахимомъ Багадуръ ханомъ.

Оффиціальный обмѣнъ посольствами между Бухарой и Россіей установился въ началѣ царствованія Ѳеодора Іоанновича, и первымъ посломъ отъ Бухары пріѣзжалъ въ Москву въ 1589 году Махмедъ-Алей, причемъ бухарцы не соблюли очень важныхъ формальностей: въ грамотѣ отъ имени Абдуллы-хана**) не значилось титула русскаго царя и, кромѣ того, въ ней были допущены «неприличныя вы-

**) См. Мусульманскія династіи Ленъ-Пуля, Переводъ В. Вартольда. Абдулла-ханъ II вступилъ на бухарскій престолъ въ 1583 году

раженія». Поэтому царскій бояринъ и конюшній Борисъ Годуновъ отписалъ, по царскому указу, бухарскому властителю, что всѣ государи пишутъ къ его царскому величеству съ должнымъ уваженіемъ, а къ нему, царскому боярину, съ ласкою и любовью и что царь, только по ходатайству его и другихъ бояръ, не положилъ опалы на Махмедъ Алея. При этомъ сообщалось, что просимые посломъ кречеты даны ему и что привезенные имъ товары были освобождены отъ царскихъ пошлинъ. Годуновъ совѣтывалъ бухарскому правительству загладить указанныя оскорбленія***), дабы взаимныя сношенія бухарскаго эмира съ московскимъ царемъ не прекращались.—Другихъ свѣдѣній объ этомъ посольствѣ въ Сборникѣ князя Хилкова не сообщается.

Неизвѣстно, въ какомъ именно году пріѣзжалъ въ Россію отъ того же эмира Бухары посолъ Кутлудашъ, который былъ задержанъ московскимъ правительствомъ, что вызвало въ 1595 году отправленіе въ Москву новаго посла Султанъ-Назара. Объ этихъ двухъ посольствахъ свѣдѣній у насъ нѣтъ.

Слѣдующій посолъ отъ Бухары пріѣзжалъ въ Москву уже въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича, въ 1619 году, отъ имени Имамъ-Кули-хана*) Его принималъ московскій царь, при торжественной обстановкѣ, въ золотой средней подписной палатѣ. Во время пріема посла царь былъ въ полномъ царскомъ одѣяніи, окруженный рындами и боярами разныхъ степеней. Рынды стояли при царѣ въ бѣлыхъ кафтанахъ и золотыхъ цѣпяхъ, а бояре, окольничіе и дворяне сидѣли въ золотомъ одѣяніи; въ проходныхъ сѣняхъ сидѣли дворяне, дѣти боярскіе, дьяки и гости, также въ золотомъ платьѣ; по крыльцу были разставлены дворяне и дѣти боярскіе изъ городовъ и подьячіе всѣхъ приказовъ въ цвѣтныхъ платьяхъ. По входѣ посла въ золотую палату, думный дьякъ представилъ его Государю, который допустилъ посла къ рукѣ и клалъ на него свою руку**). Когда царь спросилъ посла: «Имамъ Кули ханъ по здорову ли?», посолъ подалъ ханскую грамоту и сказалъ челобитье отъ имени хана, а царь велѣлъ думному дьяку объявить послу государево жалованье «вмѣсто стола кормъ» и отпустилъ его на подворье. Отпускная аудіенція происходила тѣмъ же порядкомъ. Рѣчь послу сказалъ думный дьякъ, и посолъ получилъ отъ царя въ даръ кубокъ серебряный, сорокъ соболей въ 40 рублей и 6 рублей на дорогу. Съ этимъ посломъ былъ отправленъ къ Имамъ-Кули-хану дворянинъ Иванъ Хохловъ***), которому былъ данъ подробный наказъ, какъ вести себя въ Бухарѣ, что говорить, какъ отвѣчать, какое мѣсто занимать за столомъ, если будетъ приглашенъ къ ханскому столу, развѣдывать о русскихъ плѣнникахъ въ Бухарѣ и проч.****) На пути своемъ въ Бухару Хохловъ встрѣчалъ притѣсненія отъ хановъ юргенскихъ, желавшихъ отнять у него кречетовъ, назначенныхъ для бухарскаго эмира, и отъ юргенскихъ сановниковъ, требовавшихъ отъ Хохлова подарковъ и пошлинъ. Прибывъ въ Бухару, онъ былъ встрѣченъ посадскимъ старостой, помѣщенъ въ гостинномъ дворѣ (караванъ-сараѣ) и получалъ поденный кормъ—пшено (рисъ?), 30 лепешекъ и одного барана. Бухарскій воевода (?) требовалъ къ себѣ Хохлова съ подарками, но Хохловъ отвѣчалъ, что присланъ къ Хану Имамъ-Кулу; воевода

*) Имамъ-Кули-ханъ (Астрах. дин.) вступилъ на бухарскій престолъ въ 1611 году (Леаъ Пуль).

***) Къ кому относилось это оскорбленіе и какія неприличныя выраженія были въ ханской грамотѣ,—осталось неизвѣстнымъ, такъ какъ въ русскомъ архивѣ не сохранились ни грамота Абдуллы хана, ни отвѣтъ царя Ѳеодора Іоанновича, а равно и описаніе церемоніала аудіенцій, данныхъ Махмедъ-Алею. Изъ отвѣтной грамоты Годунова также не видно, въ чемъ состояли „неприличныя выраженія“ грамоты Абдуллы-хана.

**) Объ этомъ обычаѣ было сказано выше.

***) Относящіяся къ этому посольству грамоты и другіе документы напечатаны въ Сборникѣ князя Хилкова (Петербургъ, 1879), которыми мы теперь пользуемся.

****) Сборникъ кн. Хилкова стр. 424—439.

хотѣлъ насильно отнять подарки у русскаго посла, но тотъ со свитою принужденъ былъ прибѣгнуть къ оружію. Такъ какъ эмиръ въ то время былъ въ Самаркандѣ, то и русскаго посла Хохлова Мирзабекъ отправилъ туда съ ясауломъ Сарыказакомъ.

Далѣе мы приводимъ въ подлинныхъ типичныхъ выраженіяхъ русскаго посла описаніе его пути и пріема въ Самаркандѣ.

«И шли они отъ Бухаръ до Шамархани*****) города къцарю Имамкулею 5 денъ, а корму имъ приставъ дорогою давалъ и въ Шамархани корму давали день съ 5; а послѣ того, какъ пришли въ Шамархань и были у царя и опять назадъ въ Бухары пришли, корму не давали.

«А какъ-де они пріѣхали въ Шамархань, и выслалъ къ нимъ царь отъ себя Адамбая, который былъ на Москвѣ у Государя въ послахъ, съ ярлыкомъ, а велѣлъ ѣхати въ городъ и поставилъ ихъ на гостинномъ дворѣ.

«А на завтріе были на посольствѣ у царя, а пріѣзжалъ по нихъ отъ царя тотъ же Адамбай,******) а ѣхалъ-де къ царю на своихъ лошадяхъ, а отъ царя подъ нихъ лошадей не прислали. А стоялъ де царь въ тѣ поры, какъ они у него были на посольствѣ, на посадцкого человѣка дворѣ. А сидѣлъ де царь межъ дву палатъ, на помостѣ, собгавъ ноги; поставлена скамейка деревянная простая, да посланъ на ней полавошникъ; а передъ царемъ-де были многіе честные люди, называютъ ихъ князями, по обѣ стороны стояло человѣкъ съ 20.

«И онъ де Иванъ пришелъ передъ царя, и Датха-де есаулъ хотѣлъ напередъ рѣчи взяти государеву грамоту; и онъ-де Иванъ грамоты ему не далъ, а говорилъ, что напередъ онъ, по государеву указу, исправитъ царю поклонъ, да послѣ того подастъ государеву грамоту; и царь - де ему грамоты въ тѣ поры взяти не велѣлъ.

«И онъ де Иванъ правилъ отъ Государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи царю Имамкулею поклонъ, по наказу; и царь-де противъ государева имени и поклона не всталъ. И онъ Иванъ царю говорилъ, что всѣ великіе государи крестьянскіе и мусульманскіе и турской салтанъ и перситцкой шахъ и всѣ великіе государи великаго Государя царя и великого князя Михаила Ѳедоровича, всея Русіи самодержца, его царскаго величества имя почитаютъ и братство и дружбу пріимаютъ любительно и противъ его царскаго величества имени и поклона вставаютъ и о его, государскомъ, здоровьѣ спрашиваютъ любительно, а Имамкулій царь противъ его, Государя нашего, имени и поклона не всталъ и о его царскомъ здоровьѣ не спросилъ. И Имамкулій-де царь говорилъ: за многіе де лѣта отъ великихъ Государей царей россійскихъ къ прежнимъ бухарскимъ царямъ послы не бывали, а нынѣ де онъ, Иванъ, пришелъ къ нему отъ Государя, и онъ-де тому обрадовался и слушалъ государева поклона и слова пріятно, и что противъ его государева имяни и поклона не всталъ, и что учинилъ не для нелюбья, замыслился на рѣчи ихъ. А какъ - де онъ, Иванъ, поднесъ государеву грамоту, и царь - де велѣлъ государеву грамоту приняти Тотхѣ*) есаулу.

«А послѣ - де грамоты, говорилъ онъ, Иванъ, Имамкулѣ царю рѣчь, по наказу. И царь - де, выслушавъ рѣчь, говорилъ, что онъ великаго Государя царя и великаго князя Михаила Ѳедоровича всея Русіи прошеніе все исполнитъ: что у него есть руского полону, тотъ весь полонъ велю сыскать, а сыскавъ-де къ тебѣ пришлю въ Бухары. А послѣ того объявилъ отъ Государя Имамкулѣ царю поминки кречаты; и царь - де кречаты велѣлъ приняти своимъ ближнимъ людемъ, а послѣ де того явилъ Имамкулѣ царю свои поминки: 40 соболей, да флягу

*****) То есть, до Самарканда. Н. О.

******) Очевидно, въ этомъ имени есть ошибка, потому что такого имени у мусульманъ нѣтъ. Н. О

*) То есть „да дха“ чинъ, равный чину полковника. Н. О.

вина. И царь велѣлъ принять и отпустилъ его на подворье, и велѣлъ ему, Ивану, ѣхати и ждати себя въ Бухарѣхъ, а сказалъ, что онъ и самъ въ Бухары будетъ вскорѣ. А явилъ де имъ послѣ посольства Адамбай царева жалованья 1000 ханлыковъ**), а въ ханлыкѣ русскихъ по 2 алтына, и далъ-де имъ тѣхъ денегъ посадцкой староста всего 180 ханлыковъ; а про досталные-де деньги сказали, что взялъ Адамбай и поѣхалъ въ Бухары, а болши де того имъ отъ царя ничего жалованья не присылывано.

«Да послѣ-де посолства взяли у него, у Ивана, къ царю смотрить 2 пищали, пищаль турскую, а другое руское дѣло; а отъ царя-де къ нему принесли одну пищаль руское дѣло, а турецкіе не принесли, а сказалъ, что ту пищаль царь полюбилъ и оставилъ у себя, а ничего де за нее не прислалъ; а та-де пищаль турская демешковия***) была 8 рублевъ. А подводъ-де ему и корму отъ Шамархани до Бухаръ не дали жъ; а пили-де и ѣли все покупаючи собою, и до отпуску; а былиде они у царя на посолствѣ въ Шамархани на масленой недѣлѣ и пріѣхавъ изъ Шамархани, въ Бухарѣ жили до Петрова заговѣнья, а указу имъ никакова не бывало и кормовъ не давали.»

Изъ Бухары русскій посолъ посылалъ къ эмиру Имамкулу своего переводчика и толмача бить челомъ объ отпускѣ, но эмиръ прислалъ ярлыкъ съ приглашеніемъ прибыть для отпуска въ Самаркандъ, приказавъ дать послу подводы и корму. Подводъ, однако, не было выдано. Когда русскій посолъ пріѣхалъ въ Самаркандъ, Имамъ-Кули эмира тамъ не было,—онъ удалялся въ Балхъ, по случаю измѣны, и возвратился въ Самаркандъ въ концѣ іюля больнымъ, почему послѣднее представленіе русскаго посла эмиру происходило подъ окномъ того помѣщенія, въ которомъ лежалъ больной эмиръ. Онъ сказалъ черезъ окошко русскому послу, что приказалъ его отпустить, а что касается русскихъ плѣнниковъ, то тѣмъ изъ нихъ, которые отработались и пожелаютъ возвратиться въ Россію, онъ позволитъ возвратиться, а другихъ плѣнныхъ розыскивать теперь не время, «потому что управливается съ холопомъ, а какъ будетъ время и съ холопомъ своимъ управится», то государево прошеніе исполнитъ и плѣнниковъ пришлетъ. Эмиръ сказалъ также, что посылаетъ къ русскому Государю своего посла и грамоту. И сказавъ это, Имамъ-Кули-ханъ отпустилъ русскаго посла.

На другой день пришелъ къ русскому послу Адамбай и передалъ ему эмировы подарки: жеребецъ аргамачій съ сѣдломъ и съ уздою, да чалму, шолку бѣлаго съ золотомъ и серебромъ, да кафтанъ****) бархатъ червчать, да кушакъ шелковый съ золотомъ. Русскій посолъ подарилъ принесшимъ подарки людямъ: кафтанъ бархатенъ, да 20 ханлыковъ, да юфть кожъ, да цки бѣльи*****).

Послѣ того посылалъ русскій посолъ къ дядѣ эмира Надыру-диванбегію съ просьбой дать ярлыкъ объ отпускѣ въ Россію вольныхъ плѣнниковъ, которые пожелаютъ идти на родину. Диванбеги приглашалъ къ себѣ посла съ подарками, но посолъ самъ не пошелъ, а подарки послалъ: 2 сукна, да 3 юфти кожъ, 2 шубы бѣльи и 10 блюдъ красныхъ. Получивъ подарки, диванбеги велѣлъ сказать послу, что есть-де до него слово и потому просилъ повидаться съ собою. На этотъ разъ посолъ пошелъ и долго разговаривалъ о ногаяхъ и русскихъ полоняникахъ. Въ заключеніе диванбеги сказалъ, что эмиръ приказалъ выдать послу на дорогу 4000 ханлыковъ, которые онъ долженъ былъ получить въ Бухарѣ отъ пристава Назаръ Шигаула и отпустилъ его. Въ Бухару посолъ вернулся 6 августа. Здѣсь онъ принялъ 9 плѣнниковъ, да самъ выкупилъ двухъ за 78 рублей, а изъ пожалованныхъ эмиромъ на дорогу 4000 ханлыковъ приставъ

**) То есть „кокановъ", серебряныхъ монетъ мелкихъ въ 6 коп. по тогдашней цѣнѣ Н. О.

***) То есть—дамасской работы Н. О.

****) Кафтанъ—халатъ. Н. О.

*****) Цки бѣльи—доски (половинки) бѣлаго мѣха. Н. О.

выдалъ всего 3000 ханлыковъ, сказавъ, что 500 ханлыковъ назначено ему самому по приказанію эмира, а о другихъ 500 ханлыкахъ сказалъ, что ханскій ярлыкъ затерялъ и что произвести эту выдачу не по чему.

Посолъ подѣлилъ полученныя деньги съ переводчикомъ, толмачемъ, кречетниками и стрѣльцами и купили себѣ лошадей, въ ожиданіи отъѣзда вмѣстѣ съ бухарскимъ посломъ Адамбаемъ. Они направились было черезъ Хиву, но вслѣдствіе смуты въ этой землѣ возвратились въ городъ Караколь за ярлыкомъ для пропуска черезъ персидскую землю и прождали еще четыре недѣли. Узнали объ этомъ хивинскіе царевичи Абешъ да Ильбарсъ и разными обѣщаніями уговорили русскаго посла идти черезъ хивинскія владѣнія. Посолъ повѣрилъ и натерпѣлся много обидъ и всякихъ притѣсненій, былъ задержанъ тамъ и едва добрался наконецъ до Астрахани въ 1622 году.

Отъ бухарскаго эмира было послано къ московскому царю въ поминкахъ съ посломъ Адамбаемъ: 2 аргамака, шатеръ изба, 5 тулумбасъ булатныкъ (въ одинъ всѣкано золото, а два простыхъ), ножъ*), ножны золотны съ каменьемъ, 9 бархатовъ, 9 камокъ, 5 верблюдовъ**).

Въ царствованіи Михаила Ѳеодоровича были еще два посольства въ Москву изъ Бухары отъ имени Сеидъ Надыръ-Мухаммеда, увѣдомлявшаго въ своей грамотѣ къ московскому царю о желаніи продолжать дружбу съ Россіей и торговыя сношенія и о согласіи отпустить русскихъ плѣнныхъ, если будутъ отпущены изъ Россіи плѣнные ногайцы и другіе магометане. Посолъ Казекбекъ ногай получилъ отъ московскаго царя 40 соболей въ 50 рублей, а къ самому Эмиру съ бухарскимъ посломъ были отправлены четыре кречета и два пуда кости рыбья зуба.

По установившемуся обычаю дипломатическихъ сношеній, царь Алексѣй Михайловичъ, въ іюнѣ 1646 года, отправилъ съ купцомъ Грибовымъ къ бухарскому эмиру Надыръ-Мухаммеду**) пространную грамоту, въ которой, извѣщая о послѣдовавшей кончинѣ своего родителя, царя Михаила Ѳедоровича и о своемъ вступленіи на Московскій престолъ, напомнилъ бухарскому властителю объ обѣщаніи отпустить русскихъ плѣнниковъ и о вниманіи, оказанномъ въ Москвѣ бухарскому послу, и о поминкахъ, посланныхъ съ нимъ «для дружбы и любви»,— писалъ, что, памятуя предковъ своихъ съ предками бухарскаго эмира дружбу и любовь и ссылку, желаетъ быть съ Надыръ-Мухаммедомъ въ дружбѣ и любви и въ ссылкѣ свыше прежняго и чтобы на обѣ стороны ходили торговые люди бухарскіе и русскіе, и потому послалъ съ Грибовымъ своихъ государскихъ любительныхъ поминкокъ: 3 кречета его царскаго величества потѣхи, да 17 сороковъ соболей добрыхъ, да 12 лисицъ, да пудъ кости рыбья зуба. Съ Грибовымъ же были отправлены царскіе товары, годные въ Бухарѣ, которые онъ долженъ продать и на бухарскіе товары мѣнять, и другіе покупать, которые въ Московскомъ государствѣ годны. «И вамъ бы Надыръ-Магометъ царю, писалъ царь Алексѣй Михайловичъ памятуя предковъ своихъ, прежнихъ бухарскихъ царей, съ предки нашими, съ великими государи, цари и великими князи россійскими, также и съ отцомъ нашимъ великимъ Государемъ, съ его царскимъ величествомъ, дружбу и любовь и ссылку, къ намъ великому Государю, къ нашему царскому величеству, первая своя дружба и любовь сказать, нашихъ русскихъ полоняниковъ, которые у васъ въ Бухарѣ, и Юргенчахъ, и въ Балхѣ, и которые въ Бухары и Юргенчи выходили изъ иныхъ государствъ, а иные изъ неволи отработалися, и которые еще живутъ въ неволѣ, велѣть всѣхъ сыскать и въ наше Московское государство отпустити съ нимъ Онисимомъ Грибовымъ съ товарищи вмѣстѣ и подводки имъ своею землею

*) Надыръ-Мухаммедъ (Астрах. хан.) вступилъ на бухарскій престолъ въ 1642 году. (Ленъ. Пуль, стр. 332).

велѣти дати, какъ бы имъ лично подняться... то будетъ въ пріятную великую дружбу и любовь и, противъ того будемъ воздавать нашею государскою дружбою и любовью». А что будетъ вамъ въ нашемъ государствѣ годно, и вамъ бы о томъ къ намъ писати, и мы также вамъ, Надыръ Магоммедъ царю, учнемъ воздавать всякимъ добромъ. И подъ наши товары велѣть давать подводы и провожатыхъ, какъ и въ нашихъ государствахъ вашимъ людямъ бываетъ... «и впередъ бы съ нами великимъ Государемъ вамъ, Надыръ Магоммедъ царю, потомужъ быти въ крѣпкой дружбѣ и въ любви и въ ссылкѣ и послы и посланники о дружбѣ и о любви и о всякомъ добрѣ ссылаться и купцовъ своихъ съ товары въ наше государство посылать, чтобы межъ нами и вами дружба и любовь множилась и прибавлялась, и послы бъ и гонцы и купцы со всякими товары на обѣ стороны ходили безъ урыву».

Въ іюнѣ 1669 года, царь Алексѣй Михайловичъ отправилъ съ послами Борисомъ и Семеномъ Пазухиными грамоту къ бухарскому эмиру Абдулъ Азизу*) о продолженіи союзныхъ и торговыхъ сношеній съ Бухарой и о томъ, что Абдуль-Азизъ отпустилъ съ означенными послами всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ его владѣніяхъ. Послы Пазухины подошли къ Бухарѣ только 28 іюня 1670 года. Послѣ переговоровъ съ ясауломъ относительно встрѣчи и продовольствія**), русскіе послы были привѣтствованы отъ имени эмира съ прибытіемъ и получили приглашеніе прогуливаться въ ханскихъ садахъ. На содержаніе пословъ было разрѣшено выдать 215 рублей. Послы благодарили за вниманіе и просили не задерживать ихъ отпуска, а по поводу назначеннаго на ихъ продовольствіе денежнаго отпуска заявили, что, если не получать такового, то будутъ довольствоваться царскимъ жалованьемъ.

Пріема у эмира русскимъ посламъ пришлось долго ждать до 30 декабря 1670 г. Пословъ извѣстили, чтобы они были готовы къ пріему. Тогда послы, съ своей стороны, заявили, чтобы во время ихъ представленія эмиру не было другихъ пословъ и чтобы за ними были присланы лошади, такъ какъ де бухарскимъ посламъ въ Москвѣ всегда даютъ лошадей съ царской конюшни. По этому настоянію была прислана одна верховая лошадь для Бориса Пазухина, а братъ его Семенъ и свита должны были ѣхать на пріемъ къ эмиру на собственныхъ лошадяхъ. Царскую грамоту везъ впереди подъячій Прошлецовъ. У воротъ дворца эмира русскіе послы были встрѣчены начальникомъ бухарскаго войска Малай-Бекомъ и были приглашены слѣзть съ лошадей. На дворѣ для ихъ пріема былъ устроенъ помостъ, на которомъ по правую и лѣвую стороны сидѣли болѣе ста человѣкъ высшихъ бухарскихъ сановниковъ, а самъ эмиръ сидѣлъ на четырехугольномъ возвышеніи съ шестью ступенями, покрытомъ золотой парчей. Первый ханскій чиновникъ требовалъ у посла царскую грамоту, но посолъ сказалъ, что по указу царскому, никому не вручать грамоту, кромѣ самого эмира. Послѣ долгаго спора объ этомъ, русскій посолъ настоялъ, чтобы доложили объ этомъ дѣлѣ эмиру, который велѣлъ ясаулу представить ему посла.

Тогда два бухарскихъ чиновника повели посла подъ руки по ступенямъ съ правой стороны ханскаго трона. Эмиръ, приподнявшись, съ честью принялъ отъ Пазухина царскую грамоту и положилъ предъ собою, а посолъ доложилъ о царскихъ дарахъ, о желаніи царя утвердить дружескія и торговыя сношенія между Бухарой и Россіей и просьбу царскую

*) Абдулъ-Азизъ (Астраханск. династія), вступилъ на бухарскій престолъ въ 1645 году (Ленъ-Пуль, стр. 232).

**) Тогдашній намѣстникъ Бухары извинялся черезъ ясаула предъ русскими послами, что не можетъ устроить имъ большой встрѣчи и, пригласивъ ихъ къ себѣ, назначилъ на ихъ продовольствіе по 3 рубля 28 алтынъ въ день, каковую сумму Пазухины считали недостаточною и не соотвѣтствующей ихъ положенію.

объ освобожденіи русскихъ плѣнниковъ. Послѣ этого эмиръ пригласилъ русскихъ пословъ сѣсть близь себя, среди бухарскихъ сановниковъ и спрашивалъ, какъ послы совершили свой путь до Бухары. 7 января 1671 года послы подносили эмиру царскіе дары, и эмиръ спрашивалъ пословъ о царскихъ потѣхахъ, о соколахъ и кречетахъ и, показавъ имъ двухъ своихъ кречетовъ, сказалъ, что это любимая его охота и что онъ желалъ бы имѣть такихъ же кречетовъ отъ русскаго царя. Кромѣ того, эмиръ спрашивалъ пословъ о ближайшемъ пути въ Россію.

На другой день русскіе послы посѣтили ханскихъ совѣтниковъ, которыхъ просили о содѣйствіи къ освобожденію русскихъ плѣнныхъ. На обѣщаніе пословъ царской милости за содѣйствіе въ этомъ дѣлѣ бухарскіе сановники предлагали посламъ свое покровительство.

Далѣе приводимъ описаніе народнаго угощенія, устроеннаго въ честь русскихъ пословъ, 2 февраля 1671 года. За послами былъ отправленъ приставъ съ извѣщеніемъ, что другихъ пословъ за столомъ не будетъ. Обѣдъ былъ на томъ же рундукѣ, на которомъ происходила пріемная аудіенція. Посланники сидѣли по лѣвую сторону отъ хана съ вельможами и воеводами изъ разныхъ городовъ, по сему случаю собранными, а по правую сторону сидѣли ходжи и духовныя особы. Передъ ханомъ лежали его доспѣхи; за нимъ стояли 12 придворныхъ, державшіе попеременно его посохъ и саблю; передъ ними были 200 ясауловъ съ посохами, а позади ихъ на рундукахъ, по обѣ стороны, стояли по 9 человѣкъ съ пищалями. Скатерть несъ въ мисѣ стольникъ; передъ нимъ шелъ дворецкій и, взявъ скатерть, подалъ ее придворному чиновнику, коего должность состояла въ томъ, чтобы накрывать на столъ, отвѣдывать кушанья, принимать ихъ и ставить передъ ханомъ, стоя на колѣнахъ на верхней ступенькѣ.

Сначала подали овощей, ягодъ и разныхъ сахаровъ нарядныхъ—выраженіе посланника въ его реляціи. Ханъ прежде нежели самъ началъ кушать, послалъ со стольникомъ овощей ходжамъ, вельможамъ и Борису Пазухину, который, привставъ, поклонился ему. Перемѣнивъ скатерть, подали разныхъ кашъ цвѣтныхъ и мясъ на 31 мисѣ, кои всѣ поставили въ одно время, и коихъ онъ тѣмъ же порядкомъ прислалъ посланнику, прежде нежели положилъ себѣ. Передъ ханомъ стояли золотые сосуды и тарелки; питье—молоко и воду—подносили ему въ золотыхъ чашкахъ. Девять потѣшниковъ *) забавляли обѣдавшихъ разными играми и пѣли по книгѣ; послѣ сего приведенъ былъ звѣрь съ чернымъ надъ губою рогомъ, причемъ ханъ спрашивалъ посланника: водятся ли такіе звѣри въ Россіи и гдѣ добываютъ кость рыбья зуба? Послѣ стола пили за ханское здоровье изъ деревянныхъ чашъ молоко (кумысъ?); потомъ бояре разошлись, и посланники возвратились къ себѣ на подворье. Они поднесли подарки ближнимъ вельможамъ ханскимъ, прося ихъ содѣйствовать освобожденію плѣнныхъ и ускоренію ихъ отпуска; но ханъ отложилъ оный до окончанія войны и до учрежденія безопаснаго пути чрезъ калмыцкія кочевья. Между тѣмъ посланники были неоднократно приглашаемы къ ханскому столу. Іюля 12 приставъ увѣдомилъ ихъ о скоромъ отпускѣ, велѣлъ имъ готовиться въ путь и принесъ ханскіе подарки, золотомъ шитый кафтанъ, чалму и кушакъ. Сентября 20 ханъ прислалъ посланникамъ 9 русскихъ плѣнныхъ съ приставомъ, который объявилъ имъ отъ хана, что плѣнные сіи куплены у хивинцевъ, пріѣзжавшихъ въ Бухарію, по 40, 50 и болѣе рублей за каждаго, что ханъ отправляетъ ихъ къ царю Алексѣю Михайловичу для утвержденія взаимнаго согласія и дружбы, и не посылаетъ болѣе, ожидая возвращенія изъ Москвы посла своего Муллафора**) и пріѣзда но-

*) Число девять (9) имѣло въ Бухарѣ особое значеніе и до сихъ поръ не утратило его. Н. О.

**) Очевидно, — Муллы - Фарыка. Пріемъ и отпускъ этого посла былъ обставленъ церемоніаломъ и подробно описанъ (Сборникъ, 514—530). Между прочимъ, бухарскій посолъ

выхъ русскихъ послозъ; но что ханъ не будетъ удерживать русскихъ выходцевъ изъ иныхъ земель, кои пожелаютъ возвратиться въ отечество. Несмотря на всѣ усилія посланниковъ освободить большее число плѣнныхъ, они въ томъ не успѣли. Они требовали подводъ для отъѣзда, вмѣсто коихъ, по тамошнему обыкновенію, было назначено выдать имъ денегъ 400 рублей, изъ коихъ вычли 10 часть въ казну и 20 приставу.

Согласно наказу, данному посламъ, они тайно увѣщевали русскихъ плѣнныхъ сохранять вѣру свою и стараться о возвращеніи себѣ свободы. На оставшіяся у пословъ отъ издержекъ и на полученныя ими за проданные товары деньги (585 рублей) они выкупили 22 плѣнниковъ въ числѣ коихъ не нашлось ни дворянъ, ни дѣтей боярскихъ***)

Вслѣдствіе продолжавшейся войны и небезопастности пути, отъѣздъ русскихъ пословъ былъ отложенъ до 20 октября и въ этотъ промежутокъ ихъ неоднократно приглашали къ ханскому столу. На прощальной аудіенціи Абдулъ-Азизъ-ханъ говорилъ русскимъ посламъ, что, желая сохранить дружескія сношенія съ русскимъ царемъ, онъ исполнитъ его требованіе о русскихъ плѣнныхъ и будетъ отпускать ихъ со своими и царскими послами. По заявленію Пазухина, ханъ согласился отправить съ нимъ къ царю грамоту, въ которой благодаритъ царя за посольство, увѣдомлялъ объ отправленіи своего посла, который долженъ былъ воротиться съ дороги, и о порученіи Пазухину словесно доложить о дѣлахъ.

Когда братья Пазухины проживали въ Бухарѣ, въ Москву прибылъ бухарскій посолъ Муллафоръ (Мулла Фарыкъ), выѣхавшій изъ Бухары еще въ 1669 году. 3 февраля 1671 года онъ былъ принятъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, съ большою торжественностью, съ соблюденіемъ подробно изготовленнаго церемоніала, былъ довольствованъ содержаніемъ, а 28 февраля—былъ принятъ вторично и получилъ отпускъ домой и особую грамоту, касавшуюся торговли и невольниковъ, и 320 соболей для эмира*).

Съ слѣдующимъ бухарскимъ посломъ Аджифарикомъ въ 1675 году эмиръ прислалъ царю тулумбасъ булатный, наведенный чернью, 9 луковъ бухарскихъ и 9 бобровъ, а отъ себя посолъ поднесъ царю 9 чашекъ. Послу было выдано золотой матеріи (парчи) на 30 рублей, 10 аршинъ краснаго атласу и камка кармазинъ на 5 рублей 3 алтына 2 деньги; лица свиты получили въ подарокъ по отрѣзу англійскаго сукна. Посолъ Аджифарикъ былъ отпущенъ въ Бухару вмѣстѣ съ русскимъ посломъ Давыдовымъ. Въ данной ему грамотѣ къ бухарскому эмиру царь напомнилъ объ обѣщаніи отпустить русскихъ плѣнныхъ съ первымъ царскимъ посломъ. Русскій посолъ достигъ Бухары въ январѣ 1676 года и на другой день по пріѣздѣ былъ принятъ эмиромъ. Получивъ царскія поминки, эмиръ приказалъ выдать на содержаніе русскаго посольства 350 рублей, но съ трудомъ согласился отпустить только 5 русскихъ плѣнныхъ, потому что самъ нуждался въ то время въ людяхъ, по случаю войны съ Хивой. Русскій посолъ самъ выкупилъ въ Бу-

присутствовалъ 26 февраля 1671 года на представленіи такъ называемаго „пещнаго дѣйства". Н. О.

***) Сборникъ князя Хилкова, стр. 454—456.

*) Церемоніалъ пріема посла Муллафора подробно описанъ въ сборникѣ кн. Хилкова, на стр. 514—530. Съ этимъ посломъ царю Алексѣю Михайловичу были присланы „въ поминкахъ" отъ бухарскаго эмира Абдулъ-Азизъ хана: сѣдло калмыцкое, оправленное серебромъ; лубье саадашное, шитое шелкомъ; 27 луковъ бухарскихъ; 2 сабли да 7 полосъ сабельныхъ булатныхъ (клинки); 5 бобровъ и 4 барса; 9 косяковъ миткалей, 4 косяка кисей; 18 кындяковъ арабскихъ, разныхъ цвѣтовъ; 160 кындяковъ валковыхъ разныхъ цвѣтовъ; 500 зенденей бухарскихъ чератыхъ; 9 зенденей песочнаго цвѣта; 9 китаекъ бѣлыхъ; 27 пестрядей, 50 кушаковъ пестряныхъ; 3 цки (доски, половинки) корсачьи цвѣтныя; 6 цки овчинные цвѣтныя; 9 ножей бухарскихъ булатныхъ; рукавицы бухарскія, шитыя золотомъ,—всего на 441 руб. 8 алт. 2 деньги (по тогдашнему счету).

харѣ и Хивѣ 33 русскихъ плѣнниковъ, за которыхъ заплатилъ 1114 рублей (по тогдашней стоимости).

При царѣ Федорѣ Алексѣевичѣ и послѣ, до 1705 года, посольскія сношенія Россіи съ Бухарой прекратились. Отъ имени возведеннаго узбеками на бухарскій престолъ Убайдуллы Багадуръ-хана *), въ январѣ 1705 года, въ Москву пріѣзжалъ посломъ Алимбекъ Кочекъ-бекъ съ 35 ханскими и 15 посольскими людьми. При посольствѣ находился купчина Миргадаевъ и при немъ 7 человѣкъ. Это посольство было принято царемъ Петромъ Алексѣевичемъ на дворѣ Меншикова, въ Семеновскомъ, 17 февраля. Внѣшній характеръ пріема при этомъ значительно уже измѣнился: вмѣсто санней временъ царя Михаила Ѳедоровича, за послами была отправлена карета, запряженная шестерикомъ, а впереди кареты ѣхали 9 драгунъ. При представленіи царю, посолъ предъявилъ грамоту Убайдуллы Багадуръ-хана, извѣщавшую Русскаго царя о вступленіи Убайдуллы—хана на Бухарскій престолъ и сообщавшую о желаніи его продолжать прежнія дружескія сношенія съ Россіей. Въ другой грамотѣ, поданной купцомъ Миргадаевымъ князю Голицину, Убайдулла ханъ просилъ не взимать пошлинъ, какъ съ привезенныхъ купцомъ товаровъ, такъ и съ вещей, какія будутъ куплены имъ въ Россіи для ханскаго двора. Въ отвѣтной грамотѣ царь Петръ Алексѣевичъ благодарилъ Убайдуллу—хана заприсланное посольство и увѣдомилъ о соизволеніи своемъ на торговлю русскихъ купцовъ въ Бухарѣ и бухарскихъ въ Россіи, также о подаркахъ (золотыя монеты), отправленныхъ къ Эмиру съ посломъ****) 17 марта 1716 года, царь Петръ I, въ грамотѣ къ Абулъ-феизъ-хану***), просилъ объ оказаніи надлежащаго пріема и полной довѣренности отправленному къ нему русскому послу А. Бековичу-Черкасскому, о которомъ было сказано, что посылается князь Александръ Бековичъ-Черкасскій «для нужнѣйшихъ дѣлъ къ общей пользѣ, какъ Россійскаго государства, такъ и Бухарской земля». Царь просилъ принять посла по его чину и достоинству, дать къ общему благу принадлежащія рѣшенія и съ такимъ удовольствомъ его отпустить, какого уповаетъ. Грамота отличается краткостью, а титулы царя и хана были писаны золотомъ.

26 іюня 1717 года было торжественно принято въ Петербургѣ бухарское посольство, состоявшее изъ 62 человѣкъ, во главѣ котораго находился Кулибекъ Топчибаши. Посолъ пріѣзжалъ съ женой и дѣтьми. За посломъ и свитой были высланы три кареты, каждая съ двумя возниками. Посланный отъ царя дьякъ былъ встрѣченъ двумя ясаулами и затѣмъ, поздравивъ посла и купца, дьякъ объявилъ имъ, что присланъ сенаторами для встрѣчи посла и проводить ихъ до отведеннаго посольству помѣщенія. Посолъ и купецъ выслушали дьяка стоя и благодарили, а потомъ сѣли и разговаривали четверть часа, причемъ посолъ спрашивалъ о здоровьи Государя и министровъ. Окончивъ разговоръ, посолъ сѣлъ въ первую карету съ дьякомъ, въ другой каретѣ заняли мѣста купецъ и русскій приставъ, а въ третьей—ахунъ съ переводчикомъ. Позади каретъ двигалась коляска дьяка и его верховая лошадь. Двигалось посольство тихо, такъ какъ около первой кареты шелъ переводчикъ Айдаровъ, при посредствѣ котораго посолъ разговаривалъ съ дьякомъ, а около слѣдующихъ каретъ шли люди посла и купца съ ружьями и саблями. Дьякъ проводилъ посла въ комнаты отведеннаго ему дома и, посидѣвъ немного, уѣхалъ, причемъ купецъ съ ясаулами и людьми проводили дьяка до кареты, а затѣмъ и купецъ отъѣхалъ въ каретѣ на особую квартиру*). 3 іюля сек-

**) Этотъ Убайдулла вступилъ на Хивинскій престолъ въ 1702 году (Ленъ-Пуль, 232).

***) Сборникъ кн. Хилкова. стр. 845—846.

****) Абдулъ-Феизъ вступилъ на бухарскій престолъ въ 1711 году (Ленъ-Пуль, 232).

*) Въ этотъ день посламъ было отослано: 30 фляжекъ лимонной водки, 2 ведра вина двойнаго, 10 ведеръ меду, 39 3/4 ведра пива, быкъ живой, 3 барана, 4 гуся, 12 курицъ, 30 кала-

ретарь сената Курбатовъ приглашалъ посла къ сенаторамъ для предъявленія ханской грамоты и порученныхъ ему дѣлъ; но посолъ заявилъ, что ханскую грамоту онъ имѣетъ повелѣніе вручить лично государю и лично доложить ему о важныхъ секретныхъ дѣлахъ, а преступить волю своего государя онъ не смѣетъ. Купецъ съ своей стороны 12 іюля объявилъ тому же секретарю словесныя приказанія хана, касавшіяся торговыхъ людей, пріѣзжающихъ въ Россію, ихъ обезпеченія и освобожденія отъ пошлинъ ихъ товаровъ, и затѣмъ просилъ отпустить его теперь же въ Астрахань чтобы застать тамъ караванъ бухарскій и съ нимъ отправиться въ Бухару, согласно волѣ хана. Но купцу, по указу сената, было объявлено, чтобы онъ дождался возвращенія Государя въ Петербургъ, такъ какъ Его Величество изъ Шверина приказалъ принять посольство ласковѣе и удержать его до своего прибытія.

20 октября послу и купцу было объявлено, по приказанію возвратившагося изъ чужихъ краевъ Государя, о пріемной аудіенціи. За посломъ была отправлена карета барона Шафирова съ двумя возниками и двумя вершниками, а за купцомъ—каляска секретаря, который встрѣтилъ пословъ у крыльца. За посломъ и купцомъ несли подарки. Государь стоялъ въ верхней палатѣ, противъ дверей, на возвышенномъ мѣстѣ, по обѣ стороны котораго стояли министры, а далѣе до самыхъ дверей офицеры и царедворцы. Когда посолъ подошелъ къ дверямъ палаты, то сталъ на колѣни и кланялся Государю отъ имени хана, потомъ хотѣлъ вынуть изъ принесеннаго ясаульчикомъ ящика ханскую грамоту, но, не находя ее въ ящикѣ, на колѣнахъ просилъ прощенія у Государя и, вышедши изъ палаты, послалъ за грамотою на свою квартиру. Отправивъ гонца за ханскою грамотой, посолъ снова вошелъ въ пріемную палату, поклонился снова государю и поздравилъ отъ имени хана съ побѣдой надъ шведскими войсками. Въ отвѣтъ на принесенное посломъ поздравленіе подканцлеръ отъ имени Государя спросилъ посла о здоровьи хана. Послѣ этого были поднесены дары отъ хана, посла и купца**), и Государь вышелъ изъ пріемной палаты а посолъ оставался тамъ, ожидая грамоту. Когда грамота была принесена, государь снова вошелъ и поднялъ руку надъ поданной ему грамотой, которую принялъ подканцлеръ и объявилъ послу, что отвѣтъ на грамоту государь повелитъ министрамъ дать по выслушаніи перевода ея; тогда же будетъ отвѣтъ и на словесную просьбу хана объ освобожденіи арестованныхъ раньше бухарцевъ. Послѣ этого посольство было отпущено и возвратилось въ свои квартиры въ тѣхъ же экипажахъ***).

Въ дополненіе къ представленной грамотѣ ханской, посолъ 25 октября словесно передалъ данныя ему, ханомъ, приказанія: просить царя прислать 9 шведокъ и 9 ловчихъ кречетовъ и нѣсколько аршинъ россійскаго сукна нелинючаго и непропускающаго въ себя масла, освободить бухарцевъ, судимыхъ за тайныя сношенія съ Турціей. Вмѣстѣ съ тѣмъ было заявлено посломъ, что онъ, по приказанію хана, дастъ правдивыя свѣдѣнія о Бухарѣ, если Государь пожелаетъ имѣть таковыя, и что ханъ бухарскій желаетъ расширенія торговли съ Россіей.

6—7 ноября посолъ былъ у государственнаго канцлера и, когда узналъ, что Бековичъ-Черкасскій отправленъ недля войны, а съ мирными цѣлями посольства и для постройки города въ обезпеченіе проѣзда

чей, 26 хлѣбовъ,—всего на 39 рублей 1 коп. по тогдашней стоимости денежныхъ знаковъ.

**) Въ числѣ подарковъ хана были обезьяны и барсы, но они не перенесли дороги и изъ ихъ шкуръ были приготовлены чучела, доставленныя въ Петербургъ. Послы, въ числѣ подарковъ отъ себя, доставили одного русскаго плѣннаго.

***) Въ этотъ день, кромѣ обыкновеннаго отпуска на продовольствіе, посольству было отослано: полведра водки померанцевой, 2 ведра вина двойнаго, 10 ведръ меду вороного и бо ка пива.

торговцамъ, то сказалъ, что это пріятно хану и при этомъ предупреждалъ не довѣряться туркменамъ и остерегаться хивинцевъ. Посолъ просилъ возвратить ему 400 рублей пошлинныхъ денегъ, взятыхъ съ него въ Казани и освободить на будущее время бухарскихъ пословъ отъ уплаты пошлинъ.

Когда Государю было доложено содержаніе ханской грамоты и словесныхъ заявленій посла, то Государь приказалъ объявить послу, что съ удовольствіемъ принимаетъ желаніе хана сохранять взаимную дружбу съ Бухарой и благодарилъ за освобожденіе русскихъ плѣнныхъ. Въ отвѣтной грамотѣ русскій царь извѣщалъ бухарскаго хана объ освобожденіи бухарцевъ, арестованныхъ въ Астрахани и о помилованіи двухъ изъ нихъ, присужденныхъ къ смертной казни*).

Посолъ Кулибекъ Топчибаши былъ отпущенъ изъ Петербурга 18 марта 1718 года, пробывъ въ Россіи болѣе двухъ лѣтъ. Съ нимъ были посланы въ даръ Бухарскому Эмиру: часы столовые боевые съ игрою и репетиціей въ 130 рублей и 6 хорошихъ кречетовъ. Послу было выдано соболей на 300 рублей, купцу—соболей на 100 рублей, ахуну и двумъ ясауламъ по парѣ соболей въ 10 рублей, человѣкамъ свиты по парѣ соболей въ 8 рублей, 23 случамъ по парѣ соболей въ 5 рублей, 15 слугамъ посла—по парѣ соболей въ 4 рубля и слугамъ купца по парѣ въ 3 рубля каждому. На продовольствіе свое посолъ, купецъ и 62 человѣка, бывшіе при нихъ, получали въ день по 9 рублей 63 коп., кромѣ тѣхъ выдачъ натурой, которыя были отпущены посольству въ первый день пріѣзда въ Петербургъ и въ день аудіенціи.

Въ Астрахани бухарскій посолъ дождался русскаго посла Флорія Беневенти, съ которымъ вмѣстѣ 24 іюня 1719 года выѣхалъ моремъ черезъ Персію. Оба они только въ концѣ 1720 года прибыли въ Бухару. Въ 10 верстахъ отъ города, русскій посолъ былъ встрѣченъ Топчибашой съ 50 придворными служителями и устроенъ въ предмѣстьи Бухары, а 3 января 1721 года состоялся въѣздъ русскаго посла съ столицу Бухарскаго ханства. Посла сопровождалъ главный евнухъ со свитой придворныхъ бухарскихъ чиновниковъ, а Эмиръ Абулъ-Фейзъ смотрѣлъ на это торжественное шествіе съ галереи своего дворца. Первое представленіе русскаго посла бухарскому эмиру состоялось только 10 декабря, вслѣдствіе болѣзни эмира.

Предъ представленіемъ бухарскіе сановники настаивали, чтобы въ первую очередь былъ принятъ эмиромъ персидскій посолъ, хотя онъ прибылъ въ Бухару послѣ русскаго посла, ибо персидскій шахъ—старинный пограничный союзникъ Бухары, а Беневенти—посланникъ дальняго Государя, который желаетъ завладѣть Хивою, а потомъ и Бухарой для золотыхъ рудъ; но русскій посолъ обѣщалъ подарки и настоялъ на своемъ правѣ и чести. Кромѣ того, по усиленному требованію Беневенти, церемоніалъ пріема былъ во многомъ измѣненъ, хотя ему было указано сообразоваться съ обычаями, принятыми въ Бухарѣ для другихъ пословъ, особенно для персидскаго. Такъ, вопреки бухарскому обычаю, русскій посолъ въѣхалъ на ханскій дворъ верхомъ, а когда былъ введенъ въ пріемную комнату, поклонился хану по европейскому обычаю, а не до земли, какъ сдѣлалъ персидскій посолъ, принятый послѣ. Во время пріема русскаго посла ханъ сидѣлъ на подушкахъ по серединѣ широкаго престола, возвышавшагося на два аршина отъ земли. Къ престолу съ двухъ сторонъ вели ступени, и посолъ взошелъ на вторую ступень, на которой стоялъ Кушбеги. Приблизиться къ хану болѣе было нельзя, и посолъ говорилъ хану на турецкомъ языкѣ столь длинную рѣчь, что главный евнухъ сдѣлалъ ему знакъ рукой, чтобы остановиться, и самъ докончилъ прерванную рѣчь, съ содержаніемъ которой былъ

*) Эти два бухарца были сосланы на Кальскій островъ.

освѣдомленъ до аудіенціи*). Настояніе посла, чтобы царская вѣрющая грамота была принята лично ханомъ, не было исполнено: придворный министръ хана (очевидно, Кушбеги) взялъ грамоту изъ рукъ посла и, положивъ ее на престолъ, подвинулъ къ хану, который коснулся ея своею рукой, въ знакъ благосклоннаго принятія, и двумя одобрительными словами (хорошо, изрядно) отвѣтилъ на привѣтственную рѣчь посла и поздравилъ его съ пріѣздомъ. Беневенти домогался особаго стула для себя во время аудіенціи, но ханъ не согласился на это и обѣщалъ посадить Беневенти на второмъ мѣстѣ послѣ Кушбеги; однако бухарскіе сановники посадили русскаго посла на четвертомъ мѣстѣ и все-таки не угодили узбекамъ, которыхъ боялись при дворѣ. Послѣ аудіенціи Беневенти былъ приглашенъ къ эмиру на обѣдъ.

Русскій посолъ, выполняя данныя ему порученія, велъ себя вообще осторожно и, хотя склонилъ эмира на свою сторону, но ничего особеннаго не извлекъ изъ переговоровъ съ бухарскими властями для русской торговли**) и былъ безполезно задержанъ въ Бухарѣ до 1725 года, когда вынужденъ былъ тайно уѣхать изъ Бухары чрезъ Хиву; но и тамъ былъ задержанъ хивинскимъ ханомъ, прежде чѣмъ двинулся далѣе къ Астрахани. Тѣмъ не менѣе Эмиръ Абулъ-Феизъ, въ отвѣтной грамотѣ къ Императору Петру I, писалъ, что послу Беневенти была оказана имъ милость и что онъ былъ задержанъ долгое время въ Бухарѣ «для пріятнаго посольства» и для охраненія его, такъ какъ въ то время въ Испагани и въ Хорезмѣ и въ прочихъ мѣстахъ возымѣлось великое смятеніе. Также, услышавъ за нѣсколько времени передъ тѣмъ, что Ширгавы, юргенскій владѣтель, всякою не учтивостью оставя свою честь и не хотя быть добрымъ человѣкомъ, русскаго посла (князя Бековича-Черкасскаго) со всякимъ обманомъ и лестью смерти предалъ и имѣніе его разорилъ и тѣмъ свою честь повредилъ, и сіи его негодные и недобрые поступки не за благо, но за противно показались,—онъ, Абулъ-Феизъ-ханъ, для наказанія Ширгазы послалъ Шахъ-Темуръ хана (который есть того государства наслѣдникъ и того же колѣна) разорить земли и имѣнія Ширгазы.. Эмиръ высказалъ надежду, что въ скорости Ширгазы разоренъ будетъ и чрезъ сіе для любви и радости его, Абулъ Фейза, и русскій Императоръ обрадоваться можетъ и впредь бы всегда своихъ пословъ посылать изволилъ***)...

Въ началѣ 1728 года въ Бухару и Хиву былъ отправленъ съ караваномъ русскій подданный Ядигеръ для возстановленія торговыхъ сношеній съ упомянутыми ханствами, а въ 1730 году Ядигеръ прибылъ въ Москву съ братомъ своимъ и 34 человѣка свиты, въ качествѣ посла отъ бухарскаго эмира****), и 26 іюля былъ принятъ въ Измаиловѣ, Императрицею Анною Іоанновной. На пріемѣ Императрица допустила посла, его брата и пятерыхъ свитскихъ людей къ своей рукѣ, причемъ канцлеръ графъ Головкинъ объявилъ послу, что отвѣтъ на предъявленныя имъ грамоты*****) будетъ приготовленъ послѣ. По выходѣ изъ аудіенцъ-камеры въ другую залу, посолъ Ядигеръ доложилъ о привезенныхъ имъ ханскихъ подаркахъ (2 калмыцкія дѣвицы, 2 ученыхъ для боя барановъ и 15 лошадей).

Въ грамотѣ, присланной съ посломъ, Эмиръ Абулъ-Фаизъ просилъ о свободномъ

---

*) Съ большою вѣроятностью можно предполагать, что турецкій переводъ длинной привѣтственной рѣчи русскаго посла и произнесеніе ея итальянцемъ утомили хана. Н. О.

*) Послу Беневенти было наказано наипаче всего подлинно развѣдать и стараться усмотрѣть, какіе товары имѣютъ бухарцы въ своихъ владѣніяхъ и куда отправляютъ ихъ и не возможно ли будетъ въ тѣ края размножить русскаго купечества и какіе товары тамъ потребны и какимъ путемъ удобнѣе отправлять туда купечество (Сборникъ кн. Хилкова, стр. 555).

***) Сборникъ, стр. 559.

****) Именно отъ Абулъ-Фейза, сына Субханъ-Кули Хана, царствовавшаго въ Мавераннагрѣ съ 1711 года. (Ленъ-Пуль, стр. 232).

*****) Грамоты были заготовлены на имя Императора Петра II, о смерти котораго въ Бухарѣ въ то время еще не знала.

пропускѣ въ Мекку мусульманъ, желающихъ совершать хаджъ, и объ утвержденіи торговыхъ сношеній съ Бухарой. 22 іюня 1731 года Бухарскій посолъ былъ приглашенъ къ канцлеру, отъ котораго получилъ двѣ грамоты Императрицы къ Бухарскому Эмиру и къ Хивинскому хану. Принявъ грамоты, посолъ поцѣловалъ ихъ и потеръ ими по глазамъ, потомъ поклонился и возвратился въ посольскій домъ. Для пріѣзда и отъѣзда посла служила коляска канцлера, запряженная парою лошадей, и сопровождалась 2 вершниками.

Посольство въ лицѣ Ядигера было случайное и притомъ обнаружило неосвѣдомленность бухарскаго правительства относительно происшедшихъ въ Россіи событій—кончины Императора Петра II и вступленія на русскій престолъ Императрицы Анны Іоанновны. Поэтому въ 1737 изъ Бухары было отправлено новое посольство, во главѣ котораго стоялъ везирь Алимбекъ Парваначи съ купцомъ, ясауломъ и свитою изъ 41 человѣка для поздравленія съ восшествіемъ на престолъ Ея Величества и съ просьбой отправить «къ златому порогу» Бухарскаго эмира русскаго посла и купеческій караванъ. Эмиръ обѣщалъ для безопаснаго слѣдованія русскаго посла и каравана выслать особый конвой; вмѣстѣ съ симъ обѣщалъ впредь укротить пакостныхъ киргизъ—казаковъ, которые грабили русскіе караваны, такъ что купеческіе караваны денно и ночно проѣзжать будутъ. На эту грамоту была послана отвѣтная грамота, въ которой Императрица увѣдомляла о своемъ довольствѣ поступками Везирь-бека Парваначи.

Церемоніалъ пріема Везирь-бека Парваначи отличался тѣмъ, что посолъ говорилъ свою рѣчь, стоя на колѣнахъ, и трижды поклонился до земли по окончаніи рѣчи. Тогда же, не вставая съ мѣста, посолъ взялъ ханскую грамоту, находившуюся у него на чамлѣ и вручилъ ее графу Остерману, который поднесъ ее Императрицѣ. Государыня наложила на грамоту свою руку, а вицеканцлеръ отвѣчалъ послу, что Ея Величеству пріятно поздравленіе Бухарскаго эмира, которое пріемлется съ благодарностью, и что Ея Величество повелитъ своимъ министрамъ выслушать посла о всѣхъ дѣлахъ, а самого посла обнадеживаетъ своею Императорскою милостью. Послѣ этого купецъ и ясаулъ, сопровождавшіе посла, поклонились трижды до земли, поцѣловали руку Государыни, затѣмъ снова поклонились и, отступая спиною назадъ, вышли въ переднюю, гдѣ посолъ положилъ на приготовленный столикъ «тресилку съ 8 алмазами», присланную эмиромъ въ даръ Императрицѣ. Тогда же были приняты отъ бухарскаго посла 2 калмыцкія дѣвочки, а въ саду — баранъ и овца. Присланный съ этимъ посломъ верблюдъ былъ оставленъ въ Москвѣ.

Въ 1737 году изъ Бухары пріѣзжалъ новый посолъ Ходжа Мухаммедъ Чегге-Аразы*) съ отцомъ своимъ Муллою Мухаммедъ-Аминомъ, 10 человѣками свиты и 2 женщинами. Но въ ханской грамотѣ, привезенной этимъ посломъ, значилось имя Императора Петра Алексѣевича, написанное, по его словамъ, по невѣдѣнію бухарцевъ, такъ какъ предыдущій посолъ бухарскій еще не возвратился въ Бухару. Но посла этого задержали въ Астрахани до тѣхъ поръ, пока онъ не подтвердилъ дѣйствительности своего посольства. Послѣ этого, 30 августа 1739 года, Ходжа Чегге-Аразы былъ отправленъ въ Петербургъ, куда прибылъ 28 декабря. Между тѣмъ онъ на пути изъ Астрахани допускалъ неприличные своему званію поступки и потому на аудіенцію къ Императрицѣ не былъ допущенъ, а ханскую грамоту долженъ былъ вручить барону Миниху въ министерской палатѣ. Въ мартѣ слѣдующаго года была изготовлена отвѣтная грамота Бухарскому эмиру и отправлена не съ посломъ, а съ нарочнымъ въ Астрахань, къ тамошнему губернатору, а самъ посолъ про

*) Очевидно, Ураз Н. О.

жилъ въ Россіи до 1743 года вслѣдствіе завоеванія Бухары и Хивы Персидскимъ шахомъ. Въ грамотахъ Бухарскаго эмира и въ этотъ разъ высказывались обѣщанія не чинить никакихъ обидъ и налоговъ русскимъ купцамъ и просьба оказывать тоже бухарскимъ купцамъ въ Россіи. О неприличномъ поведеніи Чегге-Аразы было сообщено Бухарскому эмиру, Абдулъ-Фаизъ хану Астраханскимъ губернаторомъ Татищевымъ.

Изъ конца 18 и половины 19 столѣтій, у насъ нѣтъ подъ руками описаній русскихъ посольствъ въ Бухару и бухарскихъ въ Россію, но извѣстно, что одно бухарское посольство въ 1784 году въ Петербургъ сопровождалось щедрымъ пожертвованіемъ Императрицы Екатерины II на построеніе мадрасы въ Бухарѣ, доселѣ извѣстной подъ именемъ «мадрасы Ирь Назаръ».

Собственно въ 19 столѣтіи до 60 годовъ въ Бухару было три русскихъ посольства: 1) Негри и Мейендорфъ въ 1819—20 годахъ, 2) Бутеневъ и Ханыковъ—въ 1841 году, 3) Игнатьевъ—въ 1859 году. Всѣ эти посольства не сопровождались для Россіи благопріятными результатами, что и побуждало Россію не останавливаться въ своемъ завоевательномъ движеніи въ глубь Средней Азіи*). Съ занятіемъ же, генераломъ М. Г. Черняевымъ, Ташкента въ 1865 году натянутыя отношенія Бухары къ Россіи обострились, и тогдашній эмиръ Музаффаръ-Эддинъ, переходя въ наступленіе овладѣлъ Ходжентомъ. Это побудило генерала Черняева арестовать всѣхъ находившихся въ области бухарцевъ съ ихъ товарами, а въ половинѣ іюня были арестованы въ Оренбургѣ находившіеся тамъ бухарцы и товары ихъ были засеквестрованы. Эмиръ, въ свою очередь, приказалъ заарестовать находившихся въ Бухарѣ нашихъ купцовъ съ ихъ товарами. Желая возстановить дружественныя отношенія къ Бухарѣ и возобновить прекратившуюся торговлю, генералъ Черняевъ отправилъ къ эмиру посольство**), состоявшее изъ 5 офицеровъ и лицъ гражданскаго вѣдомства съ 13 уральскими казаками, 10 джигитами и нѣсколькими человѣками прислуги, всего 32 человѣка. Къ посольству присоединился и г. Татариновъ, описавшій потомъ семи-мѣсячное пребываніе посольства въ Бухарѣ и Самаркандѣ. Между прочимъ онъ такъ описываетъ первое представленіе русскаго посольства Бухарскому эмиру Музаффаръ Эддину.

«5 ноября (1865 года) къ намъ пришелъ Ишанъ-Ходжа и заторопилъ поскорѣе одѣваться и отправляться къ эмиру. Это требованіе было неожиданно, и мы начали доставать наши мундиры, вынимать присланные изъ Ташкента подарки для эмира; насъ торопили и, между тѣмъ, устраивали церемоніалъ нашего представленія. Рѣшено было, что мы, русскіе, будемъ держать руку подъ козырекъ по-военному, а мусульмане должны пасть ницъ предъ владыкой правовѣрныхъ. На лошадяхъ должны ѣхать двое, имена которыхъ были упомянуты въ письмѣ къ эмиру. Я было хотѣлъ остаться дома, но меня уговорили идти. Ишанъ-Ходжа извинялся предо мною, что я долженъ идти пѣшкомъ и хотѣлъ самъ сдѣлать мнѣ компанію, говоря, что такъ требуетъ шаріатъ.

Шествіе наше тронулось. Два посланника верхомъ, съ ними Ишанъ-Ходжа, за ними два офицера и я, казаки съ подносами, покрытыми краснымъ сукномъ, на которыхъ были подарки для эмира и, наконецъ, всѣ остальные казаки и киргизы. Едва мы сдѣлали нѣсколько шаговъ, какъ изъ дворца привезли намъ извѣстіе, что по разъясненію шаріата оказалось, что и мы трое можемъ ѣхать верхомъ. Шествіе остановилось, и посл

*) Костенко. Средняя Азія и водвореніе въ ней русской гражданственности. С.-Петербургъ, 1870 годъ. Глава III.

**) Романовскій Д. И. Замѣтки по среднеазіатскому вопросу. С.-Петербургъ, 1868 года глава II и III. Терентьевъ, Россія и Англія въ Ср. Азіи С.-Пб., 1875 г.

лали за нашими лошадьми, которыя всѣ были осѣдланы. Какъ передъ нашимъ шествіемъ, такъ и по сторонамъ и сзади были полицейскіе, разгонявшіе палками народъ. Пройдя нѣсколько улицъ, мы вступили на обширную площадь; здѣсь насъ попросили сойти съ лошадей. Площадь была полна народа, (на ней былъ базаръ), и въ глубинѣ ея виднѣлось большое зданіе съ воротами по срединѣ и съ часами на фронтонѣ—это дворецъ эмира. Мы пошли пѣшкомъ. Ишанъ-Ходжа, благочестиво сложивъ руки на животѣ и склонивъ голову, открывалъ шествіе.

Такъ мы прошли всю площадь. Въ воротахъ виситъ гигантскихъ размѣровъ плеть—символъ власти повелителя Бухаріи ***). Отъ воротъ идетъ наклонная покатость кверху, а дворецъ построенъ на насыпи, либо на возвышеніи. Мы прошли нѣсколько дворовъ, встрѣчая на пути рабовъ-персовъ, несшихъ въ кожанныхъ мѣшкахъ воду. Глиняныя стѣны были закопчены и запылены, и дворецъ представлялся нечистымъ, безобразнымъ; наконецъ, мы вошли въ длинную, но узкую комнату, переполненную народомъ; здѣсь были только почетныя лица въ снѣжно бѣлыхъ чалмахъ, въ кашемировыхъ халатахъ, или опоясанныя кашемировыми шалями, съ серебряными топорами въ рукахъ. Мы размѣстились по оффиціальному нашему положенію: впереди мы, почетные люди, а сзади наши казаки и джигиты. Письмо и подарки куда то унесли, и мы ждали, что изъ какой-нибудь запертой двери выйдетъ эмиръ и приметъ насъ. Такъ прошло нѣсколько минутъ.

Изъ дверей выглядывала гаремная прислуга, разводѣтые мальчики; но онъ не показывался. Наконецъ, насъ попросили въ другую, болѣе обширную комнату. Ишанъ-Ходжа и Шихаулъ—послѣдній въ парчевомъ красномъ халатѣ съ золотыми узорами, въ родѣ ризы, и оба въ снѣжно-бѣлыхъ чалмахъ—вертѣлись около насъ. Въ этомъ залѣ, по стѣнамъ котораго были деревянныя скамейки, мы ждали весьма недолго, и отсюда начался обрядъ представленія, о чемъ намъ сдѣлано было коротенькое наставленіе. Онъ состоялъ въ слѣдующемъ. Залъ въ своемъ концѣ имѣетъ дверь, выходящую въ большой, чистый, мощеный дворъ, окруженный высокою стѣною, которая составляетъ, можетъ быть, большую часть стѣны дворца.

Противъ дверей въ глубинѣ двора окно, у котораго бокомъ сидѣлъ мужчина лѣтъ 40 съ черною бородою, въ бѣлой чалмѣ и въ красномъ халатѣ. Это былъ самъ эмиръ*). Насъ раздѣлили на разряды; сперва двухъ, имѣвшихъ оффиціальное порученіе, ввели во дворъ и остановили въ началѣ его у дверей. Ишанъ Ходжа и Шихаулъ, какъ ассистенты, прокричали что то на персидскомъ языкѣ, въ родѣ: «прими, государь, и благослови!», на что эмиръ сказалъ «аллахъ акберъ», взявши себя при этомъ за бороду,—и тѣмъ представленіе кончилось; затѣмъ ввели насъ троихъ, потомъ казаковъ и, наконецъ, мусульманъ. Со всѣми повторялась одна и та-же исторія, съ тою разницею, что русскіе держали руку къ козырьку, по-военному, а мусульмане, при появленіи во дворъ, падали ницъ. Представленіе было необыкновенно быстро, такъ что я едва успѣлъ найти глазами эмира, какъ привѣтствіе прокричали; и благословеніе было дано, и насъ, тотчасъ-же, повели назадъ по той-же площади; также за нами бѣжалъ народъ, котораго разгоняли палками; за площадью мы сѣли на лошадей и пріѣхали къ себѣ домой. Ишанъ-Ходжа зашелъ не на долго къ намъ, заходилъ еще въ теченіе нѣсколькихъ дней, то самъ по себѣ, или, вѣрнѣе, по приказанію эмира, то по нашему письменному приглашенію**).

А. Татариновъ, описавшій этотъ пріемъ,

***) Преданіе приписываетъ эту плеть древнемиѳическому герою Рустаму. Н. О.

*) Сеидъ-Музаффаръ-ханъ Н. О.

**) А. Татариновъ. Семимѣсячный плѣнъ въ Бухаріи. С.-Петербургъ, 1867 страница 27—30.

упоминаетъ, что 32 человѣка посольства и болѣе 40 лошадей содержались на счетъ Шихаула и стоили 28 рублей въ сутки; содержаніе отпускалось натурой: 4 живыхъ курицы, яйца, молоко, фрукты, мясо коровье и баранье, масло, сальныя свѣчи, рисъ и хлѣбъ—ежедневно, а чай и сахаръ—разъ въ недѣлю***).

Посольство это, вслѣдствіе движенія русскаго отряда къ Джизаку, было задержано сначала въ Бухарѣ, а потомъ въ Самаркандѣ и только 17 мая 1866 года, послѣ пораженія бухарскаго войска подъ Ирджаромъ, наше посольство, откланявшись эмиру въ прощальной аудіенціи, было отпущено изъ Самарканда.

Это прощальное представленіе эмиру было довольно оригинально. Еще солнце не заходило, какъ пословъ пригласили къ эмиру. Пять офицеровъ надѣли подаренные имъ за нѣсколько часовъ передъ тѣмъ халаты поверхъ мундировъ, завязали по формѣ тесемки на воротникахъ, расправили полы халатовъ и въ русскихъ форменныхъ шапкахъ отправились пѣшкомъ по улицѣ****). Когда они проходили по городу, туземцы съ удивленіемъ смотрѣли на нихъ. Во внѣшнемъ дворѣ, ведущемъ къ помѣщенію эмира, пословъ предупредили, что передъ эмиромъ они должны снять шапки и преклонить головы. Затѣмъ пословъ провели черезъ залъ, въ которомъ сидѣли придворные эмира, на внутренній дворъ. Тамъ они остановились передъ террасой, на которой у самыхъ дверей сидѣлъ на коврѣ эмиръ. Онъ былъ въ бѣлоснѣжной чалмѣ и въ темномъ халатѣ и сидѣлъ съ босыми ногами, сложенными по восточному. Лицо эмира сильно загорѣло во время Ирджарскаго похода и казалось посламъ похудѣвшимъ отъ пережитыхъ волненій Послы сняли свои форменныя шапки и преклонились; эмиръ пожелалъ имъ счастливаго пути и благополучнаго возвращенія къ своимъ, а переводчикъ отвѣтилъ Эмиру установленной для такихъ случаевъ фразой, значеніе которой посламъ было не извѣстно,—и тѣмъ прощальная аудіенція, столь долго задержанныхъ русскихъ пословъ, окончилась*****).

Слѣдующее затѣмъ посольство въ Бухару состоялось уже по учрежденіи въ Средней Азіи особаго Туркестанскаго Генералъ-Губернаторства, именно въ 1870 году и послужило отвѣтомъ на бухарское посольство въ 1869—1870 годахъ. Посольство это, описанное Л. Костенко въ его брошюрѣ «Путешествіе въ Бухару русской миссіи въ 1870 году», и должно быть поставлено во главѣ новаго періода взаимныхъ сношеній Россіи съ Бухарой, продолжающагося до настоящаго времени. Этого послѣдняго періода мы не касаемся, потому что всѣ оффиціальныя встрѣчи и пріемы бухарскихъ пословъ и владѣтельныхъ особъ Бухары и Хивы въ Ташкентѣ и обѣихъ русскихъ столицахъ своевременно описывались въ мѣстныхъ и столичныхъ газетахъ, а одно посольство (конецъ 1882 года и начало 1883 года) дало талантливому русскому писателю В. В. Крестовскому, входившему въ составъ этого посольства, матеріалъ для цѣлой печатной книги въ 431 страницу*). Можно только пожалѣть, что

***) Тамъ же, страница 32—33.

****) Очевидно, послы наши не были освѣдомлены съ древними наказами, какъ слѣдовало держать себя въ чужой землѣ. Въ примѣчаніи 33 къ статьѣ профессора Веселовскаго упомянуто, что дворянинъ Тихановъ, ѣздившій въ 1613—1615 годахъ въ Персію, по возвращеніи въ Москву, былъ привлеченъ, вмѣстѣ съ своимъ спутникомъ подъячимъ Бухаровымъ, между прочимъ за то, что „невѣдомо кого послушавъ, или своею глупостью затѣявъ, или съ пьянства забывъ свою русскую природу и государскіе чины, ѣздили на отпускъ къ шаху; въ его, шаховѣ, вздѣвъ на себя по два кафтана азямскихъ, одинъ кафтанъ на верхъ объ одну завязку, а другой подъ-исподь, и тѣмъ царскому величеству учинили не честь, не вѣдомо были ли у шаха государевыми посланниками, не вѣдомо были у шаха въ шутахъ".

*****) Кромѣ халатовъ, послы получили въ этотъ день по лошади съ полной верховою сбруей, украшенною сердоликами съ бирюзой въ серебряной оправѣ. Халаты и лошади были разной цѣнности, смотря по положенію лица въ посольствѣ. Кромѣ того, на дорогу Эмиръ прислалъ русскому посольству тысячу рублей серебряной монетой. (Татариновъ, стр. 112—115).

*) Въ гостяхъ у Эмира Бухарскаго. Съ тремя портретами. С.-Петербургъ, 1837.

далеко не о всѣхъ русскихъ посольствахъ сохранились въ печати подробныя воспоминанія, а между тѣмъ всѣ они заслуживали подробнаго описанія. Еще древніе римляне говорили: «Tempora mutantur et nos mutamur in illis», а въ Средней Азіи эти перемѣны особенно ощутительны и для исторіи общечеловѣческой культуры многоцѣнны, ибо едва - ли и римляне наблюдали въ покоренныхъ ими земляхъ и въ странахъ, подчиненныхъ ихъ вліянію, столь быстрый ростъ народнаго благосостоянія, зависящаго отъ развитія земледѣлія, садоводства, огородничества, особенно хлопководства и вообще промышленности и торговли, какой наблюдается въ Средней Азіи съ 70 годовъ прошлаго столѣтія. Не даромъ европейцы и американцы продолжаютъ удивляться постепенному культурному прогрессу въ этой странѣ, что обусловливается «дружественнымъ» характеромъ взаимныхъ отношеній Россіи къ Бухарѣ и Хивѣ, владѣтельные правители которыхъ поддерживаютъ съ своей стороны характеръ этихъ отношеній. Безъ сомнѣнія, существующая теперь «дружеская» связь Бухары и Хивы съ Россіей и впредь будетъ оказывать благодѣтельное вліяніе на судьбу обоихъ названныхъ государствъ Азіи, которыя чрезъ посредство русской культуры будутъ болѣе и болѣе приближаться къ общечеловѣческому идеалу. Авторъ настоящаго краткаго очерка лично пользовался благосклоннымъ вниманіемъ его высочества Бухарскаго эмира и его свѣтлости наслѣдника эмира въ мартѣ 1905 года, и ему приходило на умъ много мыслей при сравненіи двухъ различныхъ культуръ—русской и бухарской, на развитіи которыхъ до сихъ поръ еще можно отличать и распознавать слѣды взаимнаго вліянія: сначала Средней Азіи на Россію, а теперь Россіи на Среднюю Азію. Это взаимодѣйствіе двухъ различныхъ цивилизацій могло бы служить благодарной темой для спеціальнаго труда историка-оріенталиста**).

Н. Остроумовъ.

**) Переводъ древнихъ грамотъ Бухарскихъ и Хивинскихъ хановъ, а равно и описаніе позднѣйшихъ русскихъ посольствъ въ Бухару и Хиву лучшее всего подтверждать послѣднюю мысль.

№ 125.

Пребываніе сына бухарскаго эмира въ С.-Петербургѣ.

Мы уже сообщали нашимъ читателямъ, что 3-го октября прибылъ въ Петербургъ сынъ бухарскаго эмира, Тюриджанъ, Сеидъ-Абду-Фаттахъ-ханъ, вмѣстѣ съ приближенными бухарскаго эмира: датхоюАбдулъ-Касымомъ и мирзою Мирахуръ-Сафаръ, для представленія Государю Императору; лица эти прибыли сюда въ сопровожденіи подполковника Колзакова и двухъ оберъ-офицеровъ.

Бухарцы, слѣдуя чрезъ Оренбургъ, Самару и Нижній-Новгородъ, прибыли въ Москву утромъ 1-го октября. Остановившись въ нашей первопрестольной столицѣ, они посѣтили Кремль и осмотрѣли въ оном дворецъ и Оружейную палату. Замѣтимъ при этомъ, что состоящій при Тюриджанѣ 66-ти-лѣтній датха, дотолѣ весьма сдержанно выражавшійся обо всемъ видѣнномъ на пути, обходя залы Кремлевскаго дворца, при видѣ великолѣпія оныхъ, не выдержалъ, и сказалъ, что «все то, что русскіе имѣютъ на этомъ свѣтѣ, то они, мусульмане, получатъ лишь въ будущей жизни». Это наивное замѣчаніе ясно говоритъ о томъ впечатлѣніи, которое произвело окружающее на своеобразнаго старика.

3-го октября, утромъ въ 9 часовъ, бухарцы пріѣхали изъ Москвы въ почтовомъ поѣздѣ въ Петербургъ, и прямо отправились на приготовленную для нихъ квартиру въ «Hotel d Angleterre», гдѣ ихъ ожидалъ роскошно сервированный чай и десертъ.

Съ 5-го октября, наши средне-азіятскіе гости, отдохнувъ отъ продолжительнаго пути (*), въ ожиданіи пріѣзда Государя Императора, приступили къ осмотру достопримѣчательностей Петербурга и къ посѣщенію высокостоящихъ лицъ.

Прежде всего бухарцы посѣтили публичную библіотеку, которая, не смотря на свое богатство, какъ и слѣдовало ожидать, не произвела на нихъ никакого впечатлѣнія. Гораздо больше успѣха имѣлъ балетъ «Царь Кандавлъ». Юный Тюриджанъ остался въ восторгѣ отъ этого блестящаго, съ восточною обстановкою, балета; а старый датха признался, что онъ молодѣетъ при видѣ артистически исполненныхъ танцевъ.

Затѣмъ, въ послѣдующіе дни, Тюриджанъ со свитою посѣтили: министра Императорскаго двора, генералъ-адъютанта графа Адлерберга 1-го, начальника главнаго штаба генералъ-адъютанта графа Гейдена, товарища министра иностранныхъ дѣлъ тайнаго совѣтника Вестмана, директора азіятскаго департамента тайнаго совѣтника Стремоухова, с.-петербургскаго оберъ-полиціймейстера генералъ-адъютанта Трепова и другихъ лицъ.

(*) Путь весь совершенъ относительно весьма скоро. Выѣхавъ 29-го августа изъ Ташкента, бухарцы прибыли въ Петербургъ 3-го октября, т. е. въ 34 дня, изъ которыхъ 11 дней употреблено на остановки, а на самый переѣздъ съ небольшимъ три недѣли.

Въ это время, т.-е. съ 6-го до 10-го октября, бухарцы осмотрѣли: Исаакіевскій соборъ, эрмитажъ, выставки и пожарную команду; а по вечерамъ бывали въ театрахъ. При осмотрѣ собора, при чемъ всѣ были съ открытыми головами, Тюриджанъ и его свита были поражены великолѣпіемъ храма. Юный сынъ эмира поднялся на вершину собора, и оттуда, не смотря на дурную погоду, любовался Петербургомъ.

10-го октября бухарцы были у министра финансовъ, тайнаго совѣтника Рейтерна, который обязательно предложилъ имъ осмотрѣть монетный дворъ и экспедицію заготовленія государственныхъ бумагъ, а также бумаго-прядильную фабрику, при чемъ указалъ на интересъ обработки продукта, имѣющаго значеніе для производительности Бухары и обѣщалъ выслать туда сѣмена лучшаго американскаго хлопка.

Въ три часа по-полудни того же дня Тюриджанъ со свитою представлялись военному министру, только что возратившемуся изъ поѣздки въ Тулу и Москву. На вопросъ его высокопревосходительства Дмитрія Алексѣевича о совершенномъ путешествіи, сынъ эмира отвѣтилъ, что «путь ему показался весьма удобнымъ въ особенности потому, что онъ велъ къ счастію видѣть Государя Императора и быть представленнымъ Его Величеству».

11-го октября сынъ эмира со свитою отправился на пароходѣ въ Кронштадтъ, въ которомъ было осмотрѣно все достопримѣчательное и наиболѣе интересное для средне-азіятскихъ гостей, которыхъ въ особенности заинтересовали механическія мастерскія. Послѣ Кронштадта бухарцы обозрѣвали Петергофъ съ его дворцами и садами. Впечатлѣніе гостей было выражено датхою въ восточно-витіеватой фразѣ. Старикъ сказалъ, что «онъ рая Магомета не представлялъ въ своемъ воображеніи переполненнымъ такими чудесами, какими обладаетъ Петербургъ и его окрестности; что теперь все ими видѣнное даетъ ему возможность представлять себѣ рай Магомета въ лучшей обстановкѣ. . . .» Хотя отзывъ этотъ и представляетъ образчикъ восточнаго краснорѣчія, но вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ и выраженіемъ того впечатлѣнія, которое вынесли бухарцы изъ всего видѣннаго.

Въ теченіе вышеописанныхъ дней, лица посѣщенныя сыномъ бухарскаго эмира, отдали ему визитъ.

14-го и 15-го октября бухарцы осматривали Петропавловскій соборъ, арсеналъ, выставку картинъ въ Академіи художествъ и любовались иллюминаціею петербургскихъ улицъ, зажженною въ честь пріѣзда Государя Императора въ Петербургъ, вечеромъ 14-го октября.

16-го октября бухарцы видѣли зрѣлище, наиболѣе поразившее ихъ и наиболѣе доступное ихъ пониманію: парадъ всѣмъ войскамъ гарнизона Петербурга и его ближайшихъ окрестностей. Масса собранныхъ на Марсовомъ полѣ войскъ, снаряженіе ихъ, въ особенности гвардейской кавалеріи, и конечно, болѣе всего — появленіе Государя Императора съ Его многочисленною и блестящею свитою, — все это очаровало среднеазіятцевъ, которые смотрѣли на парадъ съ балкона дворца Его Высочества Принца Ольденбургскаго. Тюриджанъ съ юношескимъ интересомъ вглядывался въ мимо проходившія войска и съ жаднымъ любопытствомъ распрашивалъ о нихъ.

Послѣдующіе дни были посвящены осмотру города, причемъ бухарскіе гости снимали свои фотографическія изображенія.

№ 127

ПРЕДСТАВЛЕНІЕ СЫНА БУХАРСКАГО ЭМИРА ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ. Мы уже сообщали, что 22-го октября было назначено представленіе сына бухарскаго эмира Тюре-джанъ главнаго руководителя его датхи Абдулъ-Кассима и дяди Миракура-Сафара — Его Величеству Государю Императору, въ Зимнемъ дворцѣ.

Въ половинѣ 2-го часа пополудни, означенныя лица, въ сопровожденіи драгомана и состоящаго при бухарцахъ подполковника (нынѣ полковника) Колзакова, отправились въ Зимній дворецъ въ двухъ придворныхъ каретахъ. При выходѣ изъ экипажей, бухарцы были встрѣчены церемоніймейстеромъ и проведены въ Бѣлую залу, гдѣ ихъ приняли гофъ-маршалъ графъ Мусинъ-Пушкинъ и церемоніймейстеръ князь Долгорукій и предложили имъ чай и дессертъ.

Въ 2 часа пополудни, Тюре-джанъ, датха и Миракуръ, въ сопровожденіи состоящихъ при нихъ лицъ, были введены въ золотую гостинную, въ которую, въ тоже время, съ противоположной стороны, изволилъ войти Государь Императоръ.

Сынъ эмира, приблизившись къ Его Величеству, произнесъ, на персидскомъ языкѣ, слѣдующія привѣтственныя слова:

«Я, всепреданнѣйшій слуга Вашего Величества, Сеидъ-Абдулъ Фаттахъ, Тюря Бухарскій, всенижайше имѣю счастіе доложить Вамъ, Августѣйшій Императоръ, что родителю моему, эмиру, угодно было поручить мнѣ представиться Вашему Величеству и засвидѣтельствовать Вамъ о чувствахъ искренней его преданности. Я почитаю себя безмѣрно счастливымъ, что удостоился Высочайшаго пріема и всю жизнь мою буду гордиться этимъ.»

Государь Императоръ изволилъ милостиво принять это привѣтствіе, послѣ котораго, сановникъ бухарскаго эмира, датха Абдулъ-Кассимъ, также на персидскомъ языкѣ, произнесъ слѣдующее:

«Ваше Императорское Величество, Августѣйшій Государь! Да возвеличится Ваше могущество и да продлится Ваше царствованіе!

«Я, Абдулъ-Касимъ-Бій датха, имѣю счастіе всепокорнѣйше и всенижайше повергнуть на Высочайшее вниманіе Вашего Величества Августѣйшаго Вѣнценосца и Повелителя многихъ странъ, благополучно царствующаго Великаго Монарха, что съ древнихъ временъ, какъ извѣстно Вашему Величеству, между Россіей и Бухарой существовали узы дружбы; владѣтели обѣихъ странъ постояно ихъ поддерживали и скрѣпляли, а подданные ихъ, и въ особенности торговые люди, жили въ добрыхъ между собою отношеніяхъ. Но вслѣдствіе нѣкоторыхъ внѣшнихъ причинъ и недоразумѣній дружеская связь эта уступила мѣсто непріязнѣ.

«Хотя въ настоящее время такое прискорбное положеніе дѣлъ, слава Богу, измѣнилось и возстановилась искренняя пріязнь и торговыя сношенія, тѣмъ не менѣе, эмиръ нашъ проникнутъ чувствомъ безграничнаго сожалѣнія и раскаянія по поводу послѣднихъ обстоятельствъ. А потому, отправивъ со мною своего сына Сеидъ-Абдулъ-Фаттаха, поручилъ намъ повергнуть предъ Вашимъ Величествомъ выраженіе помянутыхъ чувствъ, поднести сіе письмо его къ Вашему Величеству и просить Васъ, Августѣйшій Государь, довѣряя его искренности, предать забвенію все прошедшее а отправленіе сына его къ Высочайшему Вашего Величества Двору, благоволить принять за доказательство истинной его пріязни и искреннѣйшей преданности; дабы съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе упрочивались добрыя отношенія Россіи съ Бухарою для блага ввѣренныхъ святымъ промысломъ, Вашему Императорскому Величеству и эмиру, народовъ.

«Да хранитъ Всевышній милостію своею Ваше Величество для счастія Вашихъ подданныхъ.»

Его Величество, выслушавъ эти слова, изволилъ отвѣчать, что ему также желательно упроченіе и развитіе дружественныхъ и торговыхъ сношеній, что прежнія мирныя отношенія были нарушены не Россіею, и что въ настоящее время, Государь Императоръ, въ представленіи сына эмира, желаетъ видѣть какъ бы залогъ искренности завѣреній, высказанныхъ отъ имени эмира.

По окончаніи представленія, съ разрѣшенія Его Величества, Тюре-джану были показаны прочія комнаты Зимняго дворца. Послѣ осмотра дворца бухарцамъ было снова предложено угощеніе, а затѣмъ они отправились въ занимаемое ими помѣщеніе въ «Hôtel d'Angleterre».

*

№ 128.

ПРЕБЫВАНІЕ БУХАРЦЕВЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ. Въ № 125-мъ «Русскаго Инвалида» мы сообщили свѣдѣнія о пребываніи въ С.-Петербургѣ бухарцевъ: сына эмира и состоящихъ при немъ бухарскихъ сановниковъ. Приводимъ о нихъ извѣстія за послѣдніе дни.

19-го октября бухарцами была осмотрѣна паровая водокальня петербургскаго общества водопроводовъ, находящаяся противъ Таврическаго дворца, и садъ этого дворца.

20-го октября, какъ мы уже упоминали, бухарцы представлялись государственному канцлеру князю Горчакову. На вопросъ князя, что имъ болѣе всего понравилось въ Петербургѣ, Тюре-джанъ отвѣтилъ, что здѣсь «одно лучше другаго». Затѣмъ бухарцы отправились въ Пажескій Его Величества корпусъ, гдѣ были весьма любезно встрѣчены директоромъ онаго, генеральнаго штаба генералъ-маіоромъ Бушенымъ, который показалъ имъ классныя занятія пажей, гимнастическія и фехтовальныя упражненія, строевое ученье, а также помѣщеніе пажей и столовую во время ихъ обѣда. Въ классахъ, въ присутствіи любознательнаго Тюре-джана, были произведены наиболѣе занимательные и доступные его пониманію физическіе и химическіе опыты, которые, повидимому, очень заинтересовали юнаго сына эмира.

21-го октября, во вторникъ, въ 11 часовъ утра, бухарцы осматривали монетный дворъ, гдѣ имъ показаны всѣ подробности чеканки звонкой монеты и медалей; при этомъ Тюре-джану, отъ имени министра финансовъ, была поднесена на память большая серебряная медаль, съ изображеніемъ извѣстнаго памятника Императору Петру Великому.

Въ среду, 22-го октября, какъ уже было сообщено нами, сынъ эмира, дядя его и датха имѣли счастіе представляться Государю Императору (*).

По вечерамъ бухарцы посѣщали театры, гдѣ видѣли оперныя и балетныя представленія, а также конный циркъ.

Все видѣнное и осмотрѣнное, повидимому, производитъ сильное впечатлѣніе на молодаго Тюре-джана и на его дядю Мирахура-Сафара, которые, по возвращеніи домой, искренно высказываютъ свой восторгъ, и входятъ въ подробные разспросы о предметахъ, обратившихъ ихъ особенное вниманіе.

Мы сообщили въ свое время, со словъ другихъ газетъ, о скоромъ прибытіи въ Петербургъ сына бухарскаго эмира, посылаемаго для того, чтобъ окончить у насъ свое воспитаніе. Нынѣ оказывается, что путешествіе это имѣетъ совсѣмъ другую цѣль. «Русскій Инвалидъ» сообщаетъ, что бухарскій эмиръ снарядилъ посольство къ Государю Императору. Во главѣ посольства стоитъ четвертый сынъ эмира, Сеидъ-Абду-Фаттахъ-ханъ, мальчикъ лѣтъ 12-ти; при немъ главнымъ руководителемъ находится тесть эмира, старикъ, 66-ти лѣтъ, по имени Аб-уль-Касымъ-бій-датка, и другое лицо, менѣе значительное, зять эмира, лѣтъ 40. Затѣмъ остальные члены посольства (10 человѣкъ) приданы для пышности. Въ официальныхъ своихъ письмахъ къ генералу А. и генералу Д. эмиръ выражался, что цѣль его посольства—скрѣпленіе связи съ Россіею и желаніе донести бѣлому Царю (акъ-падша — такъ называютъ во всей Азіи русскаго Императора) о происках и враждебныхъ намѣреніяхъ англичанъ и афганцовъ. Но есть и другія причины, извѣстныя уже неофиціально и для эмира едва ли не болѣе существенныя—это обезпечить престолъ Бухары за своимъ сыномъ-посланникомъ, который въ настоящее время владѣетъ полною, безграничною любовью отца (можетъ быть, потому, что еще не достигъ зрѣлаго возраста). Остальные три старшіе сына (изъ которыхъ самый старшій Катты-Тюря — въ изгнаніи, а другіе два губернаторами провинцій) лишены престола за непочтеніе къ отцу. Но отецъ знаетъ, что если дѣти не церемонились идти противъ него, то противъ брата они удесятерятъ свою ненависть и происки. Чтобъ упрочить шаткій престолъ какъ за собою, такъ и за своимъ любимцомъ-сыномъ Фаттахъ-ханомъ (который дорогъ сердцу эмира еще и тѣмъ, что наружностью похожъ на старшаго сына, хотя и непокорнаго, но первенца, что въ глазахъ отца имѣетъ свое особое значеніе), эмиръ и снаряжаетъ посольство къ русскому Государю, разсчитывая на поддержку могущественной націи. Сынъ эмира съ персид-

скимъ очертаніемъ лица; выраженіе лица, какъ и у всѣхъ вообще дѣтей, еще не опредѣлилось, но черные, блестящіе глазёнки придаютъ ему много привлекательности. Смуглое личико нѣсколько обезображено шрамомъ на лбу и шероховатостями на концѣ носа; это слѣдствіе столь распространенной въ Средней Азіи накожной болѣзни, названной русскими *сартовскою*, и происходящей вслѣдствіе валовой неопрятности и нечистоплотности правовѣрныхъ. Тесть эмира, на котораго собственно и возложена обязанность вести переговоры, вмѣстѣ съ тѣмъ, руководитель и истолкователь воли молодого принца. Онъ на видъ гораздо старѣе своихъ лѣтъ. Принцъ одѣтъ въ парчевомъ халатѣ, въ цвѣтной чалмѣ на головѣ и съ саблею, ножны которой сплошь обдѣланы золотомъ. Прочіе чины посольства одѣты въ кашемировыхъ халатахъ, скроенныхъ и сидящихъ донельзя уродливо, въ громадныхъ чалмахъ, также по бо́льшей части цвѣтныхъ и съ саблями при боку. Отрокъ-посланникъ держитъ себя непринужденно и довольно развязно и даже нашолся при употребленіи ложки, вилки и ножа. Остальные въ употребленіи этихъ снарядовъ срываются на пять пальцовъ. Папиросы также служатъ камнемъ преткновенія для иныхъ; такъ, двое сановниковъ вообразили, что ихъ нужно жевать и потому усердно принялись работать зубами. Въ средѣ посольства есть два купца, которые говорятъ порусски довольно хорошо: они издавна бывали въ Россіи по торговымъ дѣламъ. Эти купцы играютъ роль камердинеровъ при особѣ юнаго посланника, ухаживая за его особою. Вообще почотъ и уваженіе, которыми окружонъ бухарскій принцъ, весьма значительны. Онъ ходитъ не иначе, какъ поддерживаемый подъ руки самыми вліятельными лицами посольства: тестемъ и зятемъ эмира. Съ посольствомъ прибыли въ Ташкентъ и три слона, предназначенные бухарскимъ эмиромъ въ подарокъ Государю Императору. Эти три допотопныя чудища (два самца и одна самка) чрезвычайно ручныя и показываютъ нѣкоторыя штуки.

282

Пріѣхали къ намъ, правда, еще бухарскіе друзья (или братья, не знаю, какъ правильнѣе), но послѣ заатлантическихъ друзей и славянскихъ братьевъ, наши бухарскіе гости уже не производятъ сильнаго впечатлѣнія. А жаль! бухарское посольство имѣетъ свою пикантность, и появленіе его въ ложѣ большого театра было пріятнымъ сюрпризомъ для зрителей, уже пресытившихся старыми балетами. Но извѣстно, что въ подобныхъ случаяхъ все зависитъ отъ того, что скажутъ дамы. Дамы же дѣлали довольно кислыя гримасы, лорнируя бухарцовъ. Да, его бухарское величество сдѣлалъ немалую ошибку,ославъ къ намъ такихъ некрасивыхъ уполномоченныхъ. Это тѣмъ болѣе прискорбно, что опытнѣйшія изъ нашихъ дамъ отдаютъ явное предпочтеніе дюжимъ азіатамъ передъ поношенными petits crevés туземнаго происхожденія. Но выходитъ, и азіаты бываютъ разные: между бухарцами, гостящими у насъ, нѣтъ рѣшительно ни одного, который могъ бы внушить нашимъ дамамъ желаніе послать ему привѣтственный селямъ. Сынъ эмира, Сеидъ-Абду-Фаттаръ-ханъ (какъ длинно!), еще совсѣмъ мальчикъ и... и надо правду сказать, далеко некрасивый. Менторъ этого бухарскаго Телемака, тесть эмира, Абуль-Касымъ-бій-дадка (Боже мой, что за имя!), ветхій-преветхій старичокъ; остальные бухарцы простые статисты— чѣмъ же тутъ восхищаться прекрасному полу? Правда, когда дѣло идетъ о гостепріимствѣ, наши барыни не смотрятъ на физіономіи. Ужь на что были безобразны посланники японскаго тайкуна, но и тѣхъ наши дамы осыпали ласками; на то были, впрочемъ, особенныя причины. Японцы, точно, смахиваютъ на обезьянъ, но зато они и игривы, какъ обезьяны, въ присутствіи прекраснаго пола, а это у насъ умѣютъ цѣнить. Бухарцы же совсѣмъ дикій народъ, и хотя пылки по нату-

рѣ, но женщина въ ихъ помыслахъ играетъ только второстепенную роль... Такой народъ, конечно, не вправѣ разсчитывать на женское расположеніе. Въ довершеніе всего, бухарцы еще и неопрятны: они, строго слѣдуя корану, хотя довольно часто совершаютъ омовеніе, но какъ въ предписаніяхъ пророка о лицѣ ничего не сказано, то они его и не моютъ, да, впрочемъ, такія лица, какъ бухарскія, сколько ни умывай, не сдѣлаешь ихъ красивыми.

Въ свою очередь, и Петербургъ не понравился бухарцамъ. Баранина, которую имъ доставляютъ для плова, единогласно признается ими отвратительною, съ чѣмъ согласится каждый, ѣдавшій баранину на югѣ или остокѣ. Многихъ припасовъ, безъ которыхъ азіату обѣдъ не въ обѣдъ, даже трудно достать въ Петербургѣ. До шампанскаго же бухарцы еще не дозрѣли и потому, не будучи въ состояніи оцѣнить цивилизующую его силу, пробавляются: сынъ эмира — конфетами да вареньемъ, а тесть—опіумомъ, до котораго этотъ Абуль-Касымъ-бій-дадка, говорятъ, очень падокъ. Со многими вещами, находящимися въ ихъ квартирѣ, они рѣшительно не знаютъ, что дѣлать; мы, тоже неизвѣстно, что будемъ дѣлать съ тремя слонами, посылаемыми эмиромъ намъ въ подарокъ. Говорятъ, путешествіе этихъ толстокожихъ изъ Бухары въ Петербургъ обойдется намъ дороже, чѣмъ разъѣзды по Россіи нашихъ славянскихъ братьевъ. Нѣжны ужь очень эти индѣйскіе выходцы! Холоду они очень боятся, а грязи терпѣть не могутъ. Для нихъ заказаны, говорятъ, какія-то душегрѣйки; хотѣли заказать и галоши, но сапожники за шесть паръ галошъ запросили такую ни съ чѣмъ несообразную цѣну, что пришлось отказаться отъ этого намѣренія.

— Нельзя рядом

Прибывшее въ Петербургъ, 3-го октября, бухарское посольство, съ сыномъ эмира, возбуждаетъ любопытство и различные толки о цѣли его прибытія. Нѣкоторыя газеты объявили, что сынъ эмира прибылъ для поступленія въ пажескій корпусъ. Но это предположеніе должно быть отвергнуто по своей полной несообразности съ нашими отношеніями къ Бухарѣ. Другое заявленіе, сдѣланное газетами, что эмиръ прислалъ сына съ увѣреніями въ своей дружбѣ и расположеніи къ Россіи, согласуясь вполнѣ съ положеніемъ дѣлъ, заслуживаетъ вниманія по своей правдоподобности.

— Увѣряя въ своей неизмѣнной пятисотлѣтней дружбѣ, эмиръ, говорятъ, обвиняетъ туркестанскихъ генерал-губернаторовъ въ вѣроломствѣ, бывшемъ причиною военныхъ дѣйствій Бухары противъ насъ. Обвиненіе это весьма важно, такъ какъ признаніе его или опроверженіе послужитъ лучшимъ объясненіемъ нашей политики въ Средней Азіи. Поэтому, мы считаемъ необходимымъ указать на наши отношенія къ Бухарѣ за послѣдніе четыре года.

До 1865 года наши сношенія съ Бухарою были исключительно торговыя. Отдѣленные отъ Бухары владѣніями Кокана и Киргизскими Степями, въ которыхъ наша власть была лишь номинальною, мы не могли имѣть активнаго и непосредственнаго вліянія на средне-азіатскія дѣла.

Исключительною цѣлью правительства въ тѣ времена было облегченіе торговыхъ сношеній и возможное обезпеченіе жизни и имущества русскихъ купцовъ. Понимая хорошо свое отдаленное положеніе и невозможность со стороны Россіи подкрѣплять свои требованія оружіемъ, владѣтели Бухары вели себя крайне дерзко. Они договаривались съ нами о равенствѣ правъ купечества въ обоихъ государствахъ, требовали себѣ льготъ, получали ихъ — и кончали тѣмъ, что никогда договоровъ не исполняли. Такое положеніе было для насъ крайне невыгодно, и послѣдствіемъ его было то, что русскіе купцы почти вовсе не являлись въ Бухару; бухарцы же, напротивъ, ѣздили на наши ярмарки въ большомъ числѣ и держали всю торговлю въ своихъ рукахъ.

Такъ шли дѣла до 1865 года. Съ занятіемъ Ташкента, наша граница примкнула къ границамъ Бухары—отношенія естественно перемѣнились. Наши желанія и требованія были подкрѣплены арміей, уничтожившею всѣ преграды и ясно показавшею средне-азіатскимъ владѣтелямъ, что шутить съ Россіею нельзя. Одинъ только бухарскій эмиръ считалъ себя выше подобной боязни. Средняя Азія почитала его непобѣдимымъ и обращала на него свои взоры, вызывая его къ дѣйствію противъ насъ. Одновременно съ занятіемъ Ташкента генераломъ Черняевымъ, эмиръ, пользуясь нашими побѣдами надъ коканцами, отправился завоевывать Коканъ. Онъ взялъ уже Ходжентъ и собирался идти далѣе въ то время, когда мы взяли Ташкентъ. Взятіе русскими Ташкента, который эмиръ считалъ своею добычею, не понравилось ему. Онъ написалъ генералу Черняеву письмо, въ которомъ требовалъ удаленія нашего въ Чемкентъ. На это ему было отвѣчено, что Ташкентъ можетъ быть остав-

ленъ только по приказанію Государя Императора. Тогда эмиръ объявилъ, что онъ считаетъ рѣку Сыр-Дарью до впаденія въ нее рѣки Чирчика и эту рѣку границею между Россіею и Бухарою и требуетъ, чтобъ мы не переходили этихъ рѣкъ; иначе онъ объявитъ намъ войну. Одновременно съ этимъ заявленіемъ, онъ отправилъ тогда посольство въ Петербургъ, и, по настоятельной его просьбѣ, генералъ Черняевъ отправилъ въ Бухару посольство, состоявшее изъ нѣсколькихъ офицеровъ. Участь этого посольства хорошо извѣстна: оно было задержано въ Бухарѣ и заключено подъ стражу. Эмиръ же въ своихъ сношеніяхъ принялъ чрезвычайно дерзкій тонъ и снова претендовалъ на Ташкентъ.

Тогда было сдѣлано распоряженіе о задержаніи всѣхъ бухарскихъ купцовъ, находившихся въ предѣлахъ Россіи съ ихъ товарами. Бухарское посольство также остановлено въ фортѣ № 1-го. Эта мѣра, хотя и крайняя, равно невыгодная для обѣихъ сторонъ, заставила эмира нѣсколько призадуматься. Но вскорѣ часть бухарскихъ купцовъ, назвавшись въ таможняхъ ташкентцами и хивинцами, возвратилась въ Бухару. Принявъ этотъ фактъ за доказательство нашей слабости, эмиръ прибодрился и отвѣчалъ положительнымъ отказомъ на требованіе возвратить нашихъ офицеровъ. Генералъ Черняевъ былъ вынужденъ такимъ образомъ дѣйствовать нѣсколько иначе. Но, воздерживаясь отъ военныхъ дѣйствій, онъ сдѣлалъ демонстрацію къ Джизаку. Демонстрація возъимѣла свое дѣйствіе: задержанные эмиромъ офицеры переведены въ Самаркандъ и уже были отправлены къ нашему отряду въ Джизакъ, какъ недостатокъ продовольствія и зимнее время заставили насъ отойти отъ Джизака.

Беки доносили, что мы разбиты на-го-

лову, и нашихъ офицеровъ снова вернули въ Бухару.

Къ веснѣ генералъ Черняевъ былъ отозванъ; бухарскій эмиръ перешолъ въ наступательное положеніе и съ огромнымъ скопищемъ явился къ нашимъ границамъ. Въ маѣ произошла встрѣча; эмиръ, разбитый на-голову при Ирджарѣ генерал-майоромъ Романовскимъ, бѣжалъ —и мы заняли Ходжентъ.

Послѣ этого начались безплодные переговоры о мирѣ. Эмиръ видимо забавлялся, выигрывая время и собираясь съ силами. Посольство за посольствомъ являлись въ Ташкентъ, разговаривали, то не соглашались, то соглашались на мирныя условія, но не подписывали ихъ, отговариваясь недостаткомъ полномочія. Такое колебаніе бухарцовъ вынудило назначить имъ предѣльный срокъ, къ которому долженъ явиться ихъ уполномоченный. Уполномоченный не явился, и военныя дѣйствія начались снова. Нами взяты укрѣпленные города Ура-Тюбе и Джизакъ. 1867 годъ прошолъ безъ особенно крупныхъ событій. Мы находились ни въ войнѣ ни въ мирѣ; торговля же съ обѣихъ сторонъ дѣятельно продолжалась. Съ назначеніемъ генерал-адъютанта Кауфмана генерал-губернаторомъ, снова стали являться бухарскіе послы, и опять пошла та же игра; а весною на границахъ появились шайки, напавшія на наши войска при Ургутѣ, и взаимныя отношенія сдѣлались натянутыми. Ни объясненія, ни удовлетворенія по поводу нападенія при Ургутѣ бухарскій эмиръ не далъ, вслѣдствіе чего начались опять военныя дѣйствія, кончившіяся занятіемъ Самарканда и заключеніемъ мира, условія котораго на этотъ разъ уже свято соблюдаются обѣими сторо-

нами.

Изъ этого очерка видно, кто велъ себя коварно — конечно, не туркестанскій генералъ-губернаторъ. Политика Россіи въ Средней Азіи чужда завоеваній: всѣ ея стремленія ограничиваются водвореніемъ порядка и спокойствія, необходимыхъ для развитія и обезпеченія нашей торговли. Но дѣла бухарскаго эмира плохи, очень плохи. Русскія войска стоятъ въ 200 верстахъ отъ его столицы; внутри ханства раздоры, заговоры, смуты. Старшій сынъ эмира, Катты-Тюря, замышлялъ, въ союзѣ съ шахрисябскими беками, свергнуть эмира съ престола, и замыселъ его не удался только благодаря нашему вмѣшательству. Второй сынъ эмира, Абд-уль-Ахметъ-Саидъ-ханъ, тоже не совсѣмъ чистъ отъ подобныхъ происковъ, почему счолъ за лучшее бѣжать къ намъ и проживаетъ теперь въ Ташкентѣ, тогда какъ старшій братъ бѣжалъ въ Хиву. Этотъ будущій владѣтель Бухары отличается ненавистью къ русскимъ и возбуждаетъ Хиву противъ насъ. Въ такихъ обстоятельствахъ бухарскій эмиръ ищетъ защиты и заискиваетъ расположенія у нашего правительства. Оно одно можетъ спасти его ханство отъ распаденія и обезпечить его самостоятельность. Вотъ истинная причина и цѣль настоящаго посольства. Россіи ненужна Бухара—ей важнѣе имѣть сосѣдомъ Бухару независимую, но благоустроенную на столько, чтобъ съ нею можно было имѣть дѣло. Будемъ надѣяться, что настоящія обстоятельства положатъ начало такому порядку дѣлъ въ Средней Азіи, какой наиболѣе соотвѣтствуетъ нашему политическому могуществу и нашимъ выгодамъ.